

ПЕТР ИНГВИН

**ЖИВЫЕ ТРИДЦАТЬ
СРЕБРЕНИКОВ**

Петр Ингвин

Живые тридцать сребреников

«Автор»

2019

Ингвин П.

Живые тридцать сребреников / П. Ингвин — «Автор», 2019

Космическая история о любви и "любви". Цитата: "Говорить о партнерстве в школьной среде считалось неприличным. Если не смог показать себя в предыдущие годы, пенять не на кого. Получай, что дадут. Вариант с "не дадут" большинством не рассматривался, но нервишки пошаливали, поэтому каждый выкладывался в учебе и старался показать себя лучшим образом. Ничто так не стимулировало, как существование одиночек". (Дизайнер обложки - Вениамин Скородумов)

© Ингвин П., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Сергей	6
Глава 1. Начальный уровень	6
Глава 2. Кем быть, с кем быть	9
Глава 3. Экзамены	16
Глава 4. День рождения	19
Глава 5. Второй уровень	29
Глава 6. Первое партнерство	37
Глава 7. Мира	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Петр Ингвин

Живые тридцать сребреников

Пролог

Он знал, что так случится. Он «видел». В человеческих языках нет нужного слова, чтобы описать невероятное ощущение. Предвидеть, чувствовать, черпать информацию из вселенского потока образов, мыслей и событий... Всезнание? Нет. Он «видел» не все, а только часть событий. Ясновидение? Тоже не то. Ясным оно быть не может, свободу воли никто не отменял, и корень «вид» намекает на зрение, что неправильно. Взгляд направлен вовне, а «видение» – внутрь, в глубину сердца, где скрывается истинное знание о мироздании. Из определений наиболее точно подходит ныне забытое «пророческий дар». Тоже неверно, но другие формулировки хуже.

Он закрыл глаза. Обидно, что сделано так мало.

Всему свое время. Раньше он не понял бы.

Сейчас его время кончилось.

Висок похолодила сталь древнего оружия. Разрывная пуля взламывает черепную коробку, мозг превратится в кашу, по стенам комнаты брызнут кровавые ошметки. Оставшийся без контроля кишечник опорожнится. Глазам тех, кто скоро придет, предстанет мерзкое зрелище. Каждая клетка организма протестовала, мысли металась, инстинкты звали к разуму: «То, что ты задумал, делать нельзя, это худший вариант заповеди "Не убий"!»

Покаявшийся убийца достоин снисхождения, самоубийца – нет. К сожалению, альтернативы не существует. Он просчитал каждый вариант. Без его личности тело с его лицом, голосом и привычками властям не нужно. Чтобы воздействовать на личность, нужен неповрежденный мозг. Возможный подлог легко распознать. Без свойственных личности выходных данных тело не послужит чужим целям, оно выдаст себя на первой же идентификации, власти проиграют.

Пусть самой страшной ценой, но он не даст воспользоваться собой и обмануть тех, кто поверил. Он тоже проиграет. Но человечество выиграет.

За ним пришли, они войдут примерно через минуту. На спуск следует жать раньше, чем гвардейцы вломятся в комнату и луч парализера коснется кожи.

Еще целая минута жизни. Самое время поговорить с той, к кому ежеминутно возвращались мысли. Можно все объяснить.

Нельзя. Едва увидев его, она все поймет без слов. Это разобьет ее жизнь. Пусть она узнает потом, от других. А чтобы она не разочаровалась в людях и в жизни, он набрал номер бывшего друга.

– Это я. – Он не убрал оружие от виска, гвардейцы были рядом, они блокировали соседние ярусы и готовились к штурму. – Ей не говори.

– О чем? – Друг смотрел на него с экрана как на врага. Собственно, друг всегда был врагом, но даже в качестве врага он оставался другом.

– Не говори, что именно ты навел их на меня. Не спрашивай, откуда я знаю. Просто знаю. Не говори ей о своем участии, пусть она будет счастлива. И постарайся любить всех людей так же, как любишь ее. Я знаю, у тебя получится. А когда я говорю «знаю», я действительно знаю.

Он хотел улыбнуться, но губы воспротивились, вымученная улыбка получилась горькой. За дверью послышался шум. Прежде чем нажать на спуск, он сказал другу:

– Прощай. Я буду молиться за вас.

Часть первая. Сергей

Глава 1. Начальный уровень

Кто придумал сравнивать девчонок с цветами? Все эти «прекрасна, точно гладиолус» или «мила, как распутившийся кварцисс»... Глупость несусветная. Для Сергея Мира была Вселенной – без конца и края, с ослепляющей яркостью звезд, холодом вакуума, притягательностью жилых миров и бездной гравитационных дыр. Мира манила и отталкивала, своим появлением она потрошила душу, а под ее взглядом таяла реальность.

Термин «подросток» к Сергею еще не применяли, но четвертый класс – не шутка, ученик-четвероклассник – это почти взрослый. Звательное определение «дети», с которым к нему и одноклассникам обращались учителя – всего лишь навязшая на зубах дань традиции. Еще несколько семестров начального уровня, и наступит самостоятельная жизнь: выбор жизненного направления, определение профессии и места учебы, возможный переезд, временный или постоянный, на другую планету и даже в столицу, а еще...

Нет, будоражившее кровь «еще» должно стоять не в конце. Где угодно, только не в конце. И «где угодно», честно говоря, – тоже лукавство.

Партнерство. С него нужно начинать, без всяких «еще».

С главным в списке наступавших событий Сергей определился, а профессия никак не прорисовывалась. Основной вопрос, с которого начинается обсуждение будущей деятельности – решить, с чем хочется работать: с людьми, с идеями, с техникой или с собой, как объектом всестороннего развития и исследований в выбранной сфере. На сегодня ответа не было. Хотелось попробовать все. Наверное, следует дождаться партнерства, и уже тогда, вместе...

– Сергей, расскажи нам о базовом статусе.

Основной дисплей зеркально отобразил сидевшего за домашней партой Сергея, другие ученики окружили его изображение переданными из собственных жилищ своими, и было среди них одно лицо, на которое трудно смотреть, но еще труднее не смотреть. Сергей прокашлялся.

– Базовый статус определяет состояние невовлеченного индивидуума, что позволяет без проблем существовать на планете местопребывания с перманентной возможностью изменения положения на статус высшего порядка.

Он глядел строго вперед, на учителя. Скосить глаза вправо, на представленные в отдельном окошке нежный взор, щечки с ямками и светлые локоны, у него не хватало духу.

– Хорошо, – кивнул учитель с экрана, – с памятью у тебя все в порядке, но иногда не мешает передавать мысль своими словами.

– Господин учитель, я процитировал определение, – Сергей нервно заерзал, – его нельзя своими словами. Если смысл передать без установленных терминов, вы не узнаете, выучил я урок или пытаюсь выкрутиться.

– Логика правильная, – учительский взор пробежал по лицам учеников, – но недостаточная. Можно запомнить что-то непонятное, а можно не понять что-то запомненное, что быстро забудется. Запомненное можно цитировать, а понятное можно применить на практике, в этом разница. В следующий раз постарайся не забыть сказанное и отвечать не головой, а сердцем. Теперь Ганс перечислит нам состав базового статуса.

Сдвинув изображение Сергея с основного дисплея на периферию, центральное место заняло лицо мальчика из соседнего поселка:

– Каждый гражданин Союза Конфедераций безвозмездно и пожизненно получает гарантированный минимум в питании, лечении, образовании, проживании, передвижении и материальных средствах.

– Прекрасно. Виктор, расшифруй список.

Монитор вывел в центр другое мальчишеское лицо, скуластое, с заливчатскими цветными вихрами.

– Установленный для граждан Конфедера гарантированный минимум включает трехразовое питание в любом заведении на выбор из социального меню, в котором должно быть не менее двух направлений, как для вегетарианцев, так и для мясоедов. Бесплатное лечение предоставляется всеми учреждениями и частными домашними лечебниками, но только для восстановления подорванного форс-мажором здоровья, а не для улучшения себя и для борьбы со старением.

Взгляд Виктора косил вправо – туда, куда не смел косить Сергей.

Голова учителя согласно качнулась:

– Хорошо, только сокращение «Конфед» – бытовое, на уроках необходимо пользоваться полным названием «Союз Конфедераций». Амелия, дальше.

Широкие скулы на экране сменились полным их отсутствием, узколицая чернявая девочка расправила плечи, полился поставленный голосок:

– На планете проживания находящемся на гарантийном минимуме гражданину предоставляется жилье на выбор из перечня пустующих адресов в местностях, где данный гражданин имеет наибольшую вероятность сменить статус. Высшее образование является бесплатным в том случае, если учебное заведение входит в список приоритетных для Союза Конфедераций либо имеет серьезный недобор. Транспорт...

– Спасибо. Мира, продолжи.

Теперь Сергей имел право смотреть. И он смотрел. Как в последний раз.

– Транспорт... – Мира замялась.

Сергей губами изобразил:

– Передвижение...

Мгновенно раздалось:

– Не подсказывать!

Сергей сделал вид, что не собирался. Учитель, конечно, все понял, но Мира тоже поняла.

– Передвижение в населенном пункте, – продолжила она, и Сергею достался взгляд, от которого хотелось петь, – а также в пределах планеты является бесплатным один раз в сто стандартных суток в одну сторону, чтобы поощрять поиск работы и себя в новых местах.

Учитель видел, что Мира выучила урок и подсказка не сыграла роли. Сергея не наказали. Отлично. Учителям по отношению к провинившимся дан карт-бланш, а фантазии конкретно этого учителя блистали оригинальностью и частенько превышали возможности учеников. Однажды он заставил Сергея шесть раз переводить стих древнего поэта последовательно с каждого из языков на другой и не отпустил, пока инфомир не отгадал произведение с последнего перевода. А ведь от оригинала там не осталось ничего, кроме идеи.

На центральном голо-дисплее Мира звонко чеканила, будто молоточком по колокольчику, и сердце Сергея переполнялось трепетной пьянящей дрожью:

– Дополнительно каждому полагается ежемесячная сумма, достаточная для получения необходимой информации, обеспечения себя одеждой, бытовыми услугами и минимальным количеством зрелищ. В целом позиции базового статуса подталкивают население к полезным занятиям через поиск и применение своих талантов.

Слушал бы и слушал.

Совершенно не важно, как устроено начальное образование в других мирах, это их внутреннее дело, а на Калимагадане удаленные занятия считались нормой. Если учесть погоду

наверху, другого решения быть не могло. Самостоятельная учеба Сергею давалась легко, а во время уроков с виртуальными учителем и одноклассниками начиналась свистопляска с бегающим взглядом, который не знал, куда прибиться, и озабоченными той же проблемой руками. Психология говорила, что для школьника его возраста это нормально и со временем пройдет. Только время тянулось уж больно медленно.

Видимо, мечтательный взор выдал временный уход Сергея из реальности. Последствия не заставили себя ждать.

– Спасибо, Мира, теперь глубоко задумавшийся о данной проблеме Сергей суммирует сказанное, учтя сделанные ранее замечания.

Уплывшее вправо нежное личико виновато улыбнулось ему. Ради этого стоило улететь в грезы.

Собравшись с мыслями, он начал:

– Гарантированный минимум – подачка для слабых духом. У нас, конечно, можно жить в свое удовольствие, и, если не нарушаешь законов, никто слова не скажет. Но общество уважает тех, кто что-то делает, чего-то добивается. С повышением репутации повышается статус граждан, что дает толчок развитию науки, искусства и экономики.

– Отлично. Чтобы ты вновь не отвлекся, ответь еще на вопрос: как гарантированный минимум соотносится с правами общества?

– Права общества реализуются через соблюдение прав индивидуума, если они не противоречат правам общества. Общество заинтересовано в сохранении гарантированного минимума, это снижает социальное напряжение, позволяет думать о будущем, не заботясь о настоящем.

Сергей поймал взгляд Вика. Бывший приятель давно не общался с ним, хотя прежде дружили. Ни слова не было сказано за три месяца, но оба все понимали. Именно поэтому не разговаривали.

С другой стороны на Сергея глядела Мира. По телу прошла теплая волна, рассыпавшаяся брызгами восторга где-то ниже пупка.

Губки Миры беззвучно показали:

«Спасибо!»

Затем добавили:

«Молодец!»

И новая волна – горячая и невыносимая – возникла в районе груди и ушла, на этот раз, к голове. Сознание смыло, как призыв девятого принципа не останавливаться на избранном пути, и в душе поселилось ощущение тихого незатейливого счастья.

Глава 2. Кем быть, с кем быть

Шли дни, общение по учебе постепенно превратилось в дружбу. Вызовы от одноклассницы приходили как по темам, в которых оба могли помочь друг другу, так и просто – поболтать, обсудить последние происшествия. На Калимагадане происшествий хватало. Бывало даже, что кто-то не доживал до восстановления. К этому относились философски: судьба, дескать, ничего не поделаешь. В том смысле, что сам дурак. Суровый климат учил думать, прежде чем делать, и быстро принимать решения. Иначе не выжить. Если человек допустил свою гибель, это говорило о том, что не таким уж умным был при жизни.

Когда случалось долгожданное «просто поболтать», у Сергея с завидной регулярностью отнимался язык, особенно, если глаза глядели в глаза, а во встречном взгляде прятался мир без дна и края. Кажется, собеседница ничего не замечала – немногословность и некоторая зажатость воспринимались серьезностью, Мира ценила в Сергее именно это. Он оправдывал ожидания – превосходно учился, чтобы помочь, если потребуется, или ответить на вопрос, который бесполезно задавать другим, а также занимался собой до потери пульса, параллельно изучал несколько курсов в разных областях знания... опять же – не для себя. Чтобы мечта сбылась, он должен был на голову превосходить конкурентов.

Темы в разговорах затрагивались самые разные, начиналось обычно со злободневного – вроде подтирания оценок в виртуальном дневнике и смешных задников во время онлайн-уроков. За первое учителя наказывали, но фон за спиной во время занятий – единственное средство самовыражения школьника. Если ученик знал меру, на такие шалости закрывали глаза, и тогда экраны сияли забавной милотой, наивными попытками сострить и глупыми лозунгами вроде «Всех дел не переделаешь» или «Хорошо там, где меня нет, могу прийти и доказать». У большинства интерактивный календарь с расписанием отличался от стандартного галактического, в нем что ни месяц, то сопутствующее местным условиям веселье: «Январь, январь, январь, январь, январь, январь...» В ответ на это учителя предлагали прийти на экзамен в «январе» и шуточные месяцы тут же исчезали. А через недельку-другую появлялись вновь, но с новыми изысками.

Сергей ничем подобным не баловался, за его спиной всегда выступали ряды полок с многомерными пособиями, а разбавляло их единственное исключение – макет космической яхты. На всей планете яхты имело несколько человек, прочим оставалось мечтать и довольствоваться игрушками. Но однажды, Сергей уверен, и у него будет такая. Не может не быть. И в один из лучших моментов жизни он повезет на ней некую златовласку в чудесное далекое путешествие...

Мира, как и все, разговаривала из своей комнаты, и было любопытно разглядывать обстановку. Любая девчоночья комната совершенно не похожа на мальчишескую, даже сравнивать нельзя. А уж конкретная эта...

В режиме обоев ее стены обычно покрывали картины – проекции из музеев. Сказывалась дружба Мира с повернутым на живописи Виком. Разного размера картин, написанных разными художниками в разных стилях, на заднем плане помещалось много, периодически они менялись – сказывались новое увлечение хозяйки или смена ее настроения. Кроме картин, остальное составляло стандартный набор: рабочий стол со стулом-трансформером и кровать. Шкафы прятались в стенах, и ни об их количестве, ни, тем более, о содержании узнать было невозможно. Окон не существовало, их видели только в новостях из Столицы и прочих систем Конфед. Подо льдом требовались только двери и тоннели – в соседние помещения и наружу. Волны и загоравшие под обжигающими лучами люди, что часто встречались на картинах и заставках виртуальных экранов, вызывали удивление, но для жителей других планет двери, к примеру, вниз или вверх тоже были экзотикой. Не каждый приезжий гость сразу ориентиро-

вался в поселках и личных жилищах калимагаданцев: представить, что в спальню нужно идти вниз, а на кухню – вверх, привыкшим к плоским мирам чужакам было сложно.

Неубиваемое слово «звонить» прошло через века, пережив колокола, телефоны и все варианты слова «вызов». Мира могла позвонить в самое неподходящее время, и не было случая, чтобы Сергей не ответил. Сон, зубрежка, физические занятия, еда – все отодвигалось, и он несся в свою комнату к стене-монитору, чтобы остаться с собеседницей наедине.

Кроме обсуждения уроков, одноклассников и творимых ими безобразий Мира обсуждала с Сергеем будущее. В этот раз тоже. Звонок раздался ранним утром перед днем промежуточных экзаменов.

– Уже решил? – ямочки на милых щеках радовали, взор дышал задумчивостью.

– Нет.

Сергей только что примчался с кухни, верхняя дверь еще затягивалась, зубы дожевывали белковый рулет. Разговаривать с голограммой одноклассницы в присутствии родителей он просто не мог, что бы они там ни думали по этому поводу. И разговор на ходу с маленькой копией человека – совсем не то, что с монитором, когда кажется, что уходящая вдаль комната собеседника – продолжение твоей, а сам собеседник сидит на расстоянии вытянутой руки, и стоит только захотеть...

Брысь глупые мысли. Скоро выпускной начальной школы, тогда и посмотрим, стоило ли хотеть.

Сергей давно встал и успел позаниматься, растущие мышцы приятно ныли под спортивным костюмом, но раскованно развалиться перед Мирой он себе не позволил – для разговора примостился на краешке постели:

– А ты решила?

Если других причин для звонка не было... Это грело душу сильнее термосвитера.

– И я нет. – Мира смущенно улыбнулась.

Она сидела поверх мягкой кровати, словно только-только проснулась. Скорее всего, так и было: одеяло откинута, тонкую фигуру обнимала пушистая пижамка, по плечам рассыпалось золото волос. Сегодня за спиной висела всего одна картина, зато не проекция, а реальный холст в рамке, о чем говорила четкая тень на стене. Конечно, можно подделать и тень, но это считалось верхом дурного вкуса. Мира себе такого никогда не позволит.

Сергей рассмотрел картину. По изображенному в центре темному коридору двигалась толпа, множество дверей заперты изнутри коридора на засовы, но зритель видел, что с другой стороны дверей круговертью огней сияет огромный мир. Спотыкаясь во тьме, люди брели дальше по коридору, а на двери не обращали внимания. Надпись снизу гласила: «Мы выше этих глупостей».

Любопытно: настоящая картина вместо виртуальных репродукций – новое увлечение, или просто родители подарили, и висит, чтобы их не обидеть?

Мира сменила позу – притянула ноги к груди, обхватила руками и опустила на коленки подбородок, став похожа на пушистый желтый комочек.

Солнышко. Только не светит. Но греет душу.

– Никак не определюсь, – проговорила она. – Иногда хочется всего и сразу, а иногда вспоминаю: не зря же придумали гарантированный минимум?

– Даже думать не смей. – Сергей соорудил самое строгое выражение лица, на какое оказался способен. – Это не для нас. Мы достойны большего.

«Мы». Как только смог выговорить?

Намека Мира не заметила.

– Вик хорошо рисует, – сказала она вдруг.

Совершенно не к месту.

– Неплохо, – согласился Сергей.

Нельзя отрицать очевидное. Но обсуждать Вика в разговоре с Мирой?

В прошлый ее день рождения Вик не постеснялся вывести на экран за спиной собственноручно нарисованный плакат с поздравлением, где главным был не навязший на зубах набор пожеланий, а рисунок. В тот день класс не столько слушал учителя, сколько любовался: Мира, как живая, в невероятном платье, с неопишущим счастьем на лице и со скромным спутником, неуловимо напоминавшим Вика, сидела за рулем яхты, которая несла их к сияющему солнцу.

Не узнать Миру было невозможно, хотя Вик придал ей взрослые черты.

И, как уже сказано, замаскированный автопортрет тоже не остался незамеченным.

Сергей долго пытался рисовать. Занимался он этим ровно столько, чтобы осознать тщетность усилий: как ни сделай, у Вика все равно получится лучше. В силу вступил восьмой принцип: «Ищи свой путь». И Сергей искал.

– К экзаменам готова? – сменил он неудобную тему.

– Не совсем, но занимаюсь. Даже представить страшно, как мало осталось. Вот и лезет в голову каждую минуту: уехать или остаться? Что важнее: карьера и слава, которых может не быть, или родина, где столько можно и нужно сделать?

Про карьеру думает, про славу, про родину... А про партнерство? Впрочем, если обсуждает именно с Сергеем...

Он с трудом дожевывал гоняемые по рту остатки рулета и, наконец, проглотил их.

– Я не про выпускные экзамены, а про сегодняшние, промежуточные.

Мира сморщила носик:

– Это без проблем. Ладно, встретимся в школе.

Чужая комната растворилась в стене.

Еще с минуту Сергей тупо смотрел в не понимающую, как на это реагировать, матовую поверхность, вздохнул и стал собираться. Стена – она и есть стена. Даже если иногда кажется по-другому.

Поездка в город, где находилась школа, представляла собой нудный еженедельный ритуал, вызвавший восторг только однажды, в самый первый раз, и с каждым следующим разом все более превращавшийся в свою противоположность. Начальное обучение проходило большей частью дистанционно, очными были только занятия по физподготовке и зачеты по проделанной работе. Собирали учеников, как правило, в конце недели, в такие дни Сергей всегда выезжал заранее, чтобы подготовиться и, если получится, встретить Миру до занятий и поговорить вживую. Школьникам внешний транспорт не подчинялся, поэтому родители привычно вызывали роботакс, Сергей с папой поднимались из поселка наружу, и покрытый инеем диск принимал пассажира в теплое нутро. Папа махал рукой и уходил. Полет длился несколько минут, из приятных ощущений – только перегрузка, которую другим путем испытываешь в свободном падении. А куда падать живущему подо льдом школьнику, кроме как на пол с кровати? В общем, скукота. Обшивка только притворялась прозрачной, она не показывала ничего, кроме снежной мути, пульсировал сигнал окончания полета, и под надзором поднявшегося, чтобы встретить, учителя происходила высадка. Сегодня что-то случилось: папа разбудил Сергея пораньше и велел быстро собраться.

– Летим вместе, – сказал он.

Папу вызвали в школу? С родителями учителя общались дистанционно, и для личной встречи должно произойти что-то из ряда вон. Кроме подсказывания Мире, за которое даже замечания не удостоили, за Сергеем грешков не водилось. Правда, один раз он сделал вариант домашнего задания за Миру, но об этом узнать не могли – на уроке она выдала написанное наизусть и добавила собственных мыслей. В авторстве никто не усомнился.

– Сначала заедем кое-куда, – объяснил папа, – а потом, как обычно, ты в школу, а я на работу.

Папа работал в природоохране. Со стороны трудно представлялось, что же охранять на планете, где нет ничего, кроме льда и снега, а из живых организмов только люди. По работе папа часто улетал на другие планеты – знакомиться с новыми исследованиями, перенимать передовой опыт, помогать тем, у кого дела шли хуже или не шли вообще. Дома, на Калимагадане, он тоже не сидел на месте, постоянно курсировал где-то на поверхности и под ней, уезжал в отдаленные точки... Везде находилось чем заняться экологу, который любит свою планету.

– Планета – она живая, пусть и не в том смысле, как этот термин представляет большинство, – говорил папа. – Она может заболеть, и нужно вмешаться, пока не случилось необратимое. В том, что планеты болеют, как правило, виноваты мы, люди. Старинное правило «относись к другому, как хотел бы, чтобы относились к тебе» применимо и здесь, в отношениях небесных тел с теми, кто выбрал их своим домом.

Пока не началась учеба, папа иногда брал Сергея с собой наружу, в места, где жизнь и смерть переплетались так плотно, что для перехода из одного состояния в другое хватало секунды. Сергей видел невообразимые красоты и, наоборот, смертельные метели и ледопады, но чаще всего просто дул ветер, в лицо летел снег, а вокруг стояла мутная мгла. Солнечно или снежно – этим на Калимагадане виды погоды исчерпывались.

– Заедем в одно место, тебе понравится, – сказал папа. И подмигнул.

Значит, будет сюрприз. Сергей обожал сюрпризы.

Папа вошел в роботакс вместе с ним. Под массивным телом папы сиденье жалобно скрипнуло, расстегнутый тулуп занял почти половину салона.

Роботакс долетел до выбранной станции, где встал, как говорили, «в гараж» – люки транспортных станций принимали крупную технику, чтобы не околела «на улице», и она пряталась в теплых боксах на время, пока пассажиры или экипаж решали свои проблемы.

Станция называлась «Северный полюс». В груди разлилось предвкушение чего-то необычайного, во рту выделилась слюна, как на сладкое. Это был вкус приключения. Северный полюс – самая теплая точка планеты. Если повезет, здесь можно увидеть воду, как ее представляют прочие граждане Конфедата – не спрятанную под лед и не заточенную в трубы или искусственные емкости. Здесь вода была не пленником, а хозяином. Над Калимагаданом светило четыре солнца, три из них, далекие и тусклые, не грели и чаще всего были невидимы за белой пеленой или скрывались в тени. К главному солнцу планета всегда обращалась одним полушарием. На северном полюсе всегда было светло и тепло. Температура, бывало, вырастала до минус двадцати, что по местным меркам считалось несусветной жарой.

В жару на полюсе просыпались гейзеры.

Сегодня здесь было жарко. Не «адское пекло», как выражались некоторые взрослые, но тоже неплохо. Двадцать пять ниже нуля.

На станции Сергей с папой пересели на легкий снегоход с мягкими гусеницами и возможностью движения на воздушной подушке. Папа набил багажник припасами – ящиками с заправкой для репликатора, топливными элементами ядерной печки, замороженными фруктами и овощами... Поверх, как особая ценность, была водружена герметичная коробочка с натуральными ягодами и зеленью из поселковой оранжереи.

– Слышал про маяки? – спросил папа, когда отворившийся люк входа выпустил их с Сергеем на простор.

Сергей не просто слышал, он проходил маяки по истории родного края. При освоении планеты их ставили в гиблых местах, куда не стоило соваться ни людям, ни технике. Неуничтожимые природными силами сооружения из стали или камня для устойчивости строили в форме пирамиды. Такие маяки действовали во всей шкале радиоволн, охватывали полный световой спектр, вплоть до инфракрасного, и сообщали о себе в звуковом диапазоне от неслышимого, но неприятного рокочущего «инфра» до отвергаемого человеческим ухом пронзи-

тельного «ультра». Перемежаемые паузами вспышки и сигналы объявляли всему живому и неживому: «Не приближайся!»

Прошли годы, темных пятен на карте не осталось, каждая аномалия взята под контроль. Транспортные маршруты обходили районы маяков, потому что даже в чрезвычайной ситуации ни один пилот в здравом уме не сядет в опасное место.

Северный полюс был единственной точкой на планете, где опустившийся корабль мог утонуть.

Снаряженный снегоход несся по сверкающей пустоши, белые хлопья летели в лицо, дыхание и слова клубились дымком. Сергей с папой направлялись в самое сердце зоны, на всех картах огражденной значками опасности.

– Мы едем к смотрителю маяка, – объяснил папа. – Некоторые думают, что он не в своем уме, но я не встречал человека мудрее и проницательнее.

«Смотритель маяка» звучало как название приключенческого мегафильма, и этот фильм шел сейчас, с Сергеем в главной роли. Ничего лучше нельзя представить. Сердце пело.

Смущало, что маяки давно отключили, то есть, смотрителя у них не могло быть по определению. Папа словно прочитал мысли:

– Смотритель маяка – это прозвище Матвея, на самом деле он, скорее, смотритель планеты. Возможно, даже ее хранитель. Последний хранитель.

Последний хранитель планеты? Сюжет фильма закрутился еще сильнее, из приключенческого он стал фантастическим, и все это, опять же, здесь, наяву.

Матвей. Сергей слышал это имя, к нему всегда прилагалось дополнение. Матвей Блаженный – так называли существовавшего на «проживалке» старичка, о котором достаточно произнести «юродивый», чтобы все поняли, о ком речь. Семьи у него не было, и специально, в которой он мог бы применить знания, тоже. В целом – безобидный псих. Как говорили, он постоянно жил по поверхности и нередко первым оказывался на местах крушений и других бедствий. Многие были обязаны ему жизнью. Комиссия по здоровью обследовала Матвея, отклонений не нашли. Вместо экстрасенсорных способностей у него обнаружилась вера в высшие силы и в жизнь после смерти. Древний старик доживал свои дни вне общества, оказать влияние на молодежь не мог, и его оставили в покое. Возможно, он не сам решил не спускаться в поселки. Ему запретили.

– Я слышал, что Матвей часто спасает людей, – поделился Сергей. – Его приемник всегда настроен на частоту происшествий, или в прошлом он профессиональный спасатель?

– Матвей чувствует, что кто-то попал в беду. Он оказывается на месте раньше всех. Кроме как чудом это объяснить невозможно.

С приближением к точке географического полюса снежную целину на горизонте всполохи ломаные линии. Словно мертвец решил пожить еще, и олицетворявшая смерть прямая на приборе лечебника сменилась пульсом веселых зигзагов. И все это был лед, лед, лед: острый, кривой, нарощенный, сломанный, оплывший, переплетенный, погруженный в снег, заметенный до верхушек или слегка припорошенный. Или, на продуваемых местах, чистый, прозрачный, ослеплявший бликами с каждой случайной снежинки.

Невероятное нагромождение льда быстро приближалось, глазам открылся Хрустальный Лес – царство ледяных деревьев, непроходимых торосов и воющих ветров. Изображавшие его картинки в инфомире не шли ни в какое сравнение с реальностью. Мир впереди сверкал, переливался, смеялся и плакал, сказочная тишина пела, шуршала и звенела колокольчиками.

Сергей понимал, как на ровной поверхности, с одной стороны которой тепло, а с другой холодно, сами собой образуются рисунки деревьев и тропических растений. Влага из морозного воздуха кристаллизуется, из газообразного состояния она переходит сразу в твердое, а «художниками» выступают невидимые глазу неровности поверхности, частички пыли, случайные отпечатки пальцев, царапины и воздушные потоки. Иголки инея цепляются на них, насла-

иваются, и появляется красивый узор. Это проходили в школе. Но как из ледяных глыб получились высокие деревья с кронами и ветвями? Одни напоминали грибы, другие – торты с кремом или зацепившиеся за землю тучи, третьи обросли шипами и ощерились зубастыми пастями на случайных прохожих. Хрустальный Лес – мертвый, кроме льда в нем нет ничего, но впечатление жуткой красоты навевало ощущение, что деревья следят за прибывшими к ним гостями, и если сделать что-то не так...

Чтобы продвигаться дальше, включили воздушную подушку. После первых препятствий и небольшого кружения застывшая красота расступилась, впереди появился и, приближаясь, рос белый конус. Он оказался заваленной снегом пирамидой. С одной стороны пирамиды в лес выходила лыжня, там был присыпанный снегом выход.

Снегоход прибыл почти бесшумно, и папа просигналил звуковым клаксоном. Судя по всему, Матвей не дружил с электроникой. Или она работала от случая к случаю, все же северный полюс – зона аномалии.

Изнутри никто не вышел. Папа остановил снегоход у входа в пирамиду, раскидал снег и начал перетаскивать груз в прихожую. Сергей помогал. Пластиковая дверь была не заперта, открылась она стандартно. На Калимагадане все двери старого образца открывались внутрь, чтобы выход не завалило снегом. Помещение за дверью оказалось кладовкой, в дальнем углу виднелась еще одна дверь. Место под индивидуальный тягач пустовало, а свежие следы снаружи подтверждали, что Матвей уехал куда-то на лыжах.

Привезенные коробки и ящики заняли место вдоль стен, зелень и ягоды – сверху, чтобы попасться на глаза первыми.

– Назад? – погрустнел Сергей.

– Вперед.

В лицо вновь ударили снег и ветер. Направление – строго на север.

Впереди над Хрустальным Лесом висело настоящее облако. Оно будто выросло из леса.

– Дымное озеро... – прошептал Сергей, замороженный неопишущим видом.

Папа кивнул.

Глубоко под землей находился горячий источник, и наружу вырывались могучие фонтаны, как лава из вулкана. Горячие струи пробивали лед, взлетали в небо и обрушивались мгновенно застывавшими обломками или наплывами. Так и появился Хрустальный Лес. «Деревья» – это застывшие фонтаны и их останки.

На границе видимости папа оставил снегоход, дальше отправились пешком. Снег скрипел под ногами и сыпался на голову мелкой блестящей крошкой, лед трещал, мутно-прозрачные ветви искрились и, точно живые, протягивали когтистые лапы, цепляясь за тулупы.

Постепенно пар окутал с ног до головы, теперь казалось, что летишь в облаках. Матвей жил в чудесном месте. Хотелось поменяться с ним местами.

– Почему доставку не осуществил беспилотник? – Сергей не жаловался, он готов был возить сюда грузы хоть каждый день, но логика событий хромала. Обычно заказанный товар доставлял поставщик, а сборными заказами занимались специальные службы. В любом случае природоохрана, в которой работал папа, этим не занималась.

– Это не обычная доставка, – сказал папа. – Это люди собрали для Матвея бесплатно, а я бесплатно привез.

– Собрали те, кого он спас?

Папа ответил не сразу.

– наших предков на Земле климат не баловал, как и нас. Почему они выжили?

– Костры разводили.

– Потому что все делали сообща. Одиночка и мороз несовместимы, выжить можно только помогая друг другу, заботясь о ближнем. В теплых странах молодежь уходила из дома куда глаза глядят, для счастья людям прошлого хватало меча и коня, остальное можно добыть. В

холодном климате нужно усиленно работать несколько месяцев, чтобы в остальное время чем-то питаться и кормить скотину и чтобы что-то бросать в упомянутые тобой костры. Уйди куда глаза глядят – и что с тобой будет зимой? За короткое лето в одиночку крепкий дом не поставишь, дров и еды на всю зиму не заготовишь. Допустим, ты сильнее соседа и отберешь у него дом вместе с запасами. Но придет час, и у тебя, такой сволочи, хоть и сильной, как-нибудь ночью дрова сожгут. Или, к примеру, ты заболеешь. Кто будет готовить тебе еду и поддерживать тепло? Эгоисты, какими бы сильными ни были, в холоде долго не живут.

Папа шагал быстро, он, казалось, ничего не боялся, Сергей же наступал осторожно, с опасливым трепетом – внизу могла оказаться теплая вода, и если лед тонкий...

– Иди там, где высокие наплывы, гейзеры их не пробьют, – сказал папа.

Между двумя «кочками», напоминавшими пену, возникла полынья открытой воды диаметром больше домашней ванны.

Папа снял перчатку и попробовал воду рукой.

– Горячая, часа два простоит. Хочешь искупаться?

– А можно?!

– Я прихватил полотенце. Снимай тулуп, я подержу.

Повторять не требовалось.

Колючий пар ужалил, кожу обварило морозным жаром, голову сжало, как в тисках. Ноги проваливались в хрустевший наст, пока Сергей шел к полынье. Руки разгребли застывавшее крошево, и...

Вокруг плескался жидкий огонь, а в мозгу сидела единственная мысль: «Вот бы однажды приехать сюда с Мирой...»

Глава 3. Экзамены

Раньше, на воскресных контрольных, когда удаленное обучение сменялось живым общением, Сергея словно подменяли: живой человек превращался в робота, связать предложение становилось проблемой. Если рядом находилась легконогая очаровашка с золотыми волосами, слова теряли смысл.

Время, как известно, лечит не хуже лечебника. К моменту, когда мальчишки-одноклассники стали оценивать размер ладоней на соответствие созревшим выступлениям одноклассниц, Сергей прочно занял роль друга самой прекрасной девочки на свете. Переброситься парой фраз? Пожалуйста. Найти тему для разговора? Нет проблем. Вместе помолчать? Еще лучше. Взаимные касания уже не содрогали до глубины души, не превращали в ничто, а всего лишь колотили и поджаривали, как легкий удар молнии.

И все было бы замечательно, если б не Вик.

Вик. Виктор, Витька, Витек. Бывший приятель и нынешний недруг на уровне инстинкта, он глядел на Миру влажными глазами поэта, узревшего Музу. Как стало известно, именно он нарисовал картину, что висела в комнате у Миры.

Может, она не хотела обижать творческого человека?

Какая разница? Картина висела, и все это видели.

Промежуточные экзамены в середине года оказались делом непростым и предельно выматывающим – один за другим, сутки напролет, с перерывами на еду и кратким отдыхом. В утомительной череде заданий, сыпавшихся из разных сфер знания, присутствовала определенная логика: никто не знал, как, когда и в каком состоянии придется применить полученные навыки, и учителя всеми способами доносили мысль, что человек должен быть готов ко всему. Разрушенные органы и оторванные конечности можно приживить или вырастить, но человек – не только тело, кое-что восстановить невозможно. Как ни надейся на данные из инфомира, в критической ситуации спасут те знания, что зацепились за собственные извилины.

Экзамен по истории родного края – факультативный, не обязательный для поступления в институты на других планетах – школьники сдавали в полном составе. Ни один не отказался, хотя имел полное право.

Столичные терраформисты два года назад протащили закон о замене климата на некомфортных планетах, однако на местах закон буксовал. Жители встали на защиту круглогодичного мороза и жизни в сугробах. Вода в виде льда, осадки в виде снега, роса в виде инея... Искрящийся мир радовал глаз, и сердце переполнялось радостью. Что поделать, родина – она вот такая, другой нет. Тяжело жить? Да. Хочется на пляжи под барбузные пальмы? Хочется. Но кого ни спроси, окажется, что всех волнуют две главные темы: выживание наверху и – тема прямо противоположная – борьба за родную природу, на которую покушались терраформисты. Чужим этого не понять, их точка зрения сугубо логична, она основана на практическом расчете: как можно желать жить хуже, если предлагают жить лучше?

Калимагаданцы жили трудно, но гордились своей жизнью, недоступной стороннему пониманию. Они даже посмеивались над нежными конфедератами, перед выходом из дома озабоченными «что надеть». Никаких проблем: тулуп с системой жизнеобеспечения, вертящийся капюшон и боты с подогревом. На лицо – полную маску, иначе слезки выморозит вместе с глазами. По сравнению с красавцами и красавицами из монитора – чудовища безобразные. Зато живые.

Помимо контрольных работ по учебным предметам, экзаменационный день включал психологическое тестирование и сдачу физических нормативов. С тестами проблем не возникло, каждый прошел их на «отлично». Только Вик получил штрафной балл – за чем-то спорил с экспертами. Прицепился к какой-то мелочи и не смог остановиться. Хорошо, что предметом

развязанной им бурной дискуссии действительно оказалась мелочь – Вик настаивал, что тесты составлены односторонне. Психологи посмеялись и, как смогли, объяснили, кто в этой ситуации специалист, а кто профан с неограниченным самомнением. За въедливую внимательность к деталям и принципиальность Вика на словах похвалили, а штрафной балл в зачетку все же поставили. Но небольшое отклонение от нормы роли не играло – если бы все оказались одинаковыми, для общества это было бы хуже. Хомо давно уже, конечно, сапиенс, но эволюцию никто не отменял. Развитие – оно в особенностях, причем в особенностях как отдельных людей, так и человеческих сообществ.

В целом тесты показали, что каждый представлял собой самостоятельно мыслящую творческую личность, готовую вскоре войти во взрослую жизнь с равными правами и обязанностями.

Это по каждому, взятому отдельно. В целом прибывшая из Столицы комиссия качала головами: особенности жизни на Калимагадане отличались от общепринятых.

Для местных жителей принятый в Конфедере культ здорового тела выглядел как издевательство над здравым смыслом. В инфомире Сергей с замершим сердцем и дрожью в ладонях изучал аналоги на других планетах, и то, что показывал монитор, будоражило кровь. Здесь было не так. И не могло быть так. На пляжи курортных планет взрослые калимагаданцы глядели с брезгливостью, подрастающие – с возбужденным любопытством, со временем тоже превращавшимся в неприятие. То, что радовало глаз, убивало что-то в душе. После таких просмотров хотелось помыться с мылом. Приезжавшие комиссии раз за разом объясняли, что эти психологические отклонения – последствия ханжеского воспитания в семьях. В поселках организовывали секции по занятиям не принятыми на планете видами спорта, навязывали участие в чемпионатах миров по этим дисциплинам и вели оголтелую пропаганду, направленную на общество в целом и на каждого конкретного жителя отдельно, с упором на подрастающую молодежь. Последнее во всех мирах доказало наибольшую эффективность.

«А Васька слушает да ест», – неясно выразился по этому поводу папа. Кажется, процитировал что-то из классики. Время шло, а взятые в Конфедере за основу столичные нормы, в какой-то мере приемлемые для жарких курортов, на Калимагадане не приживались. Просмотр входившего в обязательную программу контента с неудобным для местного менталитета содержанием производился индивидуально и, по возможности, дома, а на физкультуре мальчики и девочки имели разные раздевалки. Ненужное на планете плавание, тоже находившееся в списке экзаменов, сдавали в купальниках.

Но даже так, в обтягивающей форме или купальнике, лица учеников краснели, движения сковывались, и результаты, само собой, падали. Снижение успеваемости вызывало приезд новой комиссии, новые рекомендации, новое отстаивание взрослыми позиции своей планеты... И все начиналось заново.

Никому на свете Сергей не признался бы, что иногда представлял, как в их школе введут общегалактические нормы. Нервы сразу превращались в натянутую тетиву, кровь вскипала, ее становилось неожиданно много. Голова шла кругом от видов, что могли открыться. Даже зависть брала к столичным одногодкам. Почему здесь нельзя то, что везде можно всем?

Однако, стоило вспомнить, что открывшиеся виды откроются не ему одному, а всем – учителю, Гансу, Антону, Валентину, Герману, Вадику, Роберту...

И даже...

Когда в голове такие картинки, имя, словно бившее наотмашь, не хотелось называть даже про себя.

Стоило представить, как бывший друг тоже смотрит, и желание жить по-столичному рассасывалось. Возникала благодарность родителям, отстаившим право на собственное мнение. Если бы разрешили выбирать, Сергей проголосовал бы за еще большие ограничения. Вплоть до раздельного обучения. Говорят, было такое в истории. Мальчики шли в военные

училища, девочки – в институты благородных девиц. Подумать только: «институт благородных девиц». Не словосочетание, а песня, каждое слово блестит и переливается. Правда, один из таких институтов под странным для девушек названием «Смольный» однажды стал рассадником нового мировоззрения, которое подразумевало отказ от всего, что составляло основу прежней жизни: от системы власти, от веры, от чести, от семьи... Чем закончились те события, история умалчивает, свидетельств столь давней старины не сохранилось. Скорее всего, благородные девицы взялись за ум и прекратили безобразие. Пока молодые – можно и побузить, а, допустим, пройдут годы, и как же им тогда – без семьи?

Семья – это земля, по которой ходит человек. Если негде остановиться и приклонить голову – человек перестает быть человеком. Он превращается в другое существо. В дерево без корней. В птицу без крыльев.

В двенадцать лет мысли о семье посещали не каждого, и это напрягало. Одноклассники думали об играх, об учебе и снова об играх. Сергей глядел на Миру и думал о будущем. Ее присутствие рядом (особенно, в спортивной форме или, тем более, в купальнике) иногда не давало дышать. Мысли плавались в месиве извилин, которые вдруг превращались в шевелившийся клубок змей, они бросались на стенки черепа, оставляя после себя кровавое абстрактное граффити, и стекали вниз, через горло и пищевой тракт в низ живота, туда, где просыпалось нечто новое – голодное, жадное и очень требовательное.

Глупо думать, что Сергей не понимал происходящего.

Любовь? В его возрасте?

А кто сказал, что это невозможно?

После экзаменов Сергей и Вик не на шутку сцепились – оба хотели проводить Миру к роботаксу, и каждый показывал, что не отступится. Оба, как могли, скрывали от нее причину раздора, но молчаливое напряжение оказалось слишком красноречивым. Мира встала между ними:

– Вы же друзья?

Оба синхронно кивнули.

– А вы подеретесь, если я поцелую того, кто победит?

У Сергея на миг отнялся язык, сознание впало в краткий ступор, но тут же наполнилось ликованием. Подраться? Без проблем. Он готовил себя и не к такому. Конкурент будет повержен на первой же секунде. В крайнем случае – на второй. Но согласится ли? Вик – не глупец, он понимает, что физически ушедшего вперед противника ему не одолеть. Из Вика боец, как из Сергея художник.

– Да, – громко сказал Вик.

Его глаза смотрели на Миру. Неизвестно, что она в них прочла, но вдруг встрепенулась, и рассыпался ее звонкий смех:

– То, что Сергей согласится, я знала, поэтому драться не надо. Вы оба победили. И оба достойны награды.

Щек опешивших соперников на миг коснулись горячие губы.

На голову обрушилось ощущение чуда. Адреналин от едва не случившейся драки добавил эйфории.

Сначала она поцеловала Сергея. Это же не просто так. Все-таки – первым!

Но. Соперника Мира поцеловала последним. Что она хотела этим сказать?

Сергей стоял ближе. Возможно, именно поэтому...

Или не поэтому? Мира могла специально встать так, чтобы Вик оказался чуточку дальше.

Для чего? Что это значит? Скорее всего, это случайность, очередность сложилась без умысла.

А если нет?

Ох уж эти девчонки...

Глава 4. День рождения

Близился тринадцатый день рождения Миры. По найденной в инфомире информации, у живородящих годовщины праздновали родители: процесс появления детей был трудоемким и даже опасным, и заслугу поощряли. Сейчас рождение на большинстве планет переложили на спецучреждения, где принимали оплодотворенные яйцеклетки, и «особая» дата стала обычной вехой на календаре. Но с ней почему-то принято поздравлять всех родившихся в конкретный день. Глупая традиция, особенно с возрастом и с учетом разницы в длине года на каждой планете, отчего приходилось вести двойной счет – местный и стандартный. Но – традиция.

В прошлом году, на двенадцатый стандартный день рождения, Вик нарисовал Миру на поздравительном плакате, и это поразило весь класс. Миру, наверное, тоже. Сергей не спрашивал. Его бы поразило. Инфомир, в котором он загодя утонул в поисках достойного ответа, сообщил, что в древности на день рождения дарили подарки. Мужчинам – почему-то носки и бритвы, женщинам – духи и цветы. Духами оказался настоящий на алкоголе состав феромонов, чтобы привлечь самца для спаривания. Какая безбрежная и наивная глупость! Мужчины дарили женщинам средство, которым те их потом привлекали?

В отношении цветов подводных камней не нашлось. Когда-то ими передавали сообщения, но те времена давно прошли, язык цветов исчез, и красивые растения с изящными цветными верхушками стали символом дара, передающего желание стать чуточку ближе. Идеальный вариант.

Собрав всю силу духа, Сергей попросил папу привезти с другой планеты цветок. Любой, хоть самый хиленький. Главное – живой. Высказавшись, захотелось провалиться сквозь землю, щеки горели, и чувствовалось, что окраской они, наверняка, напоминали сигнал запрета. Вразумительного объяснения, зачем школьнику понадобилась редкая вещь, у Сергея не было. Свалить не изучение биологии не получится, дневник с заданиями висел в свободном доступе, и если особыми, по секрету передававшимися учениками друг другу способами внести туда лишнее хоть на минуту, потом хлопот не оберешься. Испробовано. Рано или поздно уловка вылезала на свет, хитреца наказывали.

По делам природоохраны папа часто бывал в дальних командировках. Как ни странно, он проявил завидное благоразумие: ничего не спросил, а просьбу исполнил со всей ответственностью и, что самое важное, маме не сказал об этом ни слова. Наверное. Сергей был счастлив: появился подарок, грозивший затмить потуги Вика, и мама молчит.

Их мужской секрет папа доставил и пронес к нему в комнату тайно. Пришлось ждать момента, когда мама уйдет, и лишь тогда пластиковая обертка полетела в сторону, и дыхание остановилось: глазам открылось нечто иное, чуждое, бесконечно красивое. Такое, как Мира. Хотелось сказать «даже лучше», но это было неправдой.

Цветок оказался длинным, с несколькими зелеными листьями и красной головкой. Сергей поднял взгляд:

– Гладироза?

– Нет. А также не розовый фиалк и не подделка. Это – настоящая роза. – Стоявший в дверях папа глядел серьезно, шуткой не пахло. – Из садов Парковой Зоны. Ничего подходящего на Альфа-Ристе не нашлось, и я заказал розу.

Вновь перехватило дух: во сколько же обошлось такое чудо?

– Наверное, очень дорого?

– Забудь. Главное, не сломай и, пока не понадобится, держи ее в воде. Не всю, только черенок. Она ведь живая, она пить хочет.

Освобожденная из оберток драгоценность переключивалась в руки Сергея... и он едва не выронил ее:

– Колючая!

– Это символично. – Папа улыбнулся, наблюдая, как он трет ладони и пытается перехватить опасную вещь двумя пальцами. – Показывает, что путь к красоте и счастью лежит через тернии.

Сергей остался наедине с цветком и мечтами.

Как оказалось, готовился он не зря: на день рождения Мира пригласила домой несколько одноклассников – вживую поболтать, поиграть во что-нибудь, подурчиться. Пригласила она, само собой, и Сергея.

День настал. Поселок, куда нужно было добраться, располагался по соседству, но подледный ход в него отсутствовал. Пришлось вызывать робота. Запакованная роза отправилась под длинную полу тулупа, папа проводил Сергея наверх, и через минуту прыгавшая фигурка в таком же тулупе, напоминавшая восьмерку на ножках, уже встречала его на входе. Лица под маской не видно, глаза скрыты за стеклянными вставками, но не узнать Миру – все равно, что не узнать маму. Каждое движение, каждое нетерпеливое подпрыгивание и каждый наклон капюшона говорили о том, кто внутри тулупа – на планете так ласково называли одежду, которой больше подходило имя скафандра. Тулуп – одна из причин, по которой калимагаданцы не вымерли. Расцветка у тулупа всегда веселенькая, любимых молодежью цветов, живой природой категорически игнорируемых. Так проще найти потерявшихся. В условиях гравивсплесков и магнитных аномалий связь нередко хандрила, полупроводники выбирали, в какую сторону из своих «полу-» податься, искусственные мозги принимали желаемое за действительное или вовсе бастовали, отказываясь работать при предельно низких температурах. Люди, вышедшие наверх, не всегда доходили туда, куда собирались. Для таких случаев существовала планетарная система помощи. Большею частью она помогала только в поиске, а главная роль в выживании доставалась связке человек-тулуп.

Мира щеголяла в ярко-красном тулупе, и у Сергея потеплело на сердце: с цветом угадал, спрятанная на себе роза полностью соответствовала. Осталось не сесть, раздеваясь, а также случайно не нагнуться и не упасть. Сломанный цветок – тоже цветок, просто маленький, но запрос в инфомир поведал, что длина и дороговизна роз прямо пропорциональны. Если Мира что-то знает о розах, она оценит.

Если не знает – заглянет в энциклопедию. Настоящих роз никто из одноклассников не видел, такой подарок станет событием, о котором будут говорить. Чтобы говорить, нужно знать. Чтобы знать, следует заглянуть в инфомир, больше знаниям взяться неоткуда, в школе подобному не учат. Логический круг замкнулся, в груди потеплело. Не может быть, чтобы Мира не разобралась в тонкостях наступавших событий, а если вдруг не разберется сама, ей обязательно кто-нибудь намекнет.

Она торопила:

– Из приглашенных ты один издалека, остальные местные. Пошли быстрее, почти все собрались.

Два напыжившихся неваляшки вперевалочку потопали в будку выдвинувшегося люка, прятаясь в поверхность, как только люди входили.

Дом, куда идти, располагался поблизости – всего лишь спуститься на лифте и сделать несколько переходов. На планетах с теплым климатом отдельные поселки росли не вниз, а вверх, там они назывались зданиями, а здесь расположенные по соседству жилища объединял общий вход. Тоже любопытное название: чтобы выйти наружу из блока с квартирами, нужно подняться ко входу и, собственно, выйти. Но если подумать... Для человека на поверхности спасение – вход, это впаивается в подкорку, и сколько из входа не выходи, для инстинкта самосохранения он навсегда останется входом.

Мира взяла Сергея за руку. Две соединенные перчатки, непробиваемые для ветров и морозов, прекрасно передавали чувства. Чувства были чудесны. Мечталось, чтобы дверь в

дом, где собрались одноклассники, приближалась медленно-медленно. Чтобы достигнуть ее как можно позже, Сергей замедлял шаг. И кто придумал делать коридоры такими короткими? Неужели проектировщикам никогда не хотелось просто погулять?

Стянув маски, Сергей и Мира улыбались друг другу, расстегнутые на груди тулупы открыли легкое платьице на Мире и строгие брюки с рубашкой на Сергее – на этом настояла мама, когда узнала, что он собирается в гости к девочке. Боты крепко облегли заправленные в них туфли: полы в домах холодные, и чтобы не ходить в безразмерных хозяйских тапочках, каждый предпочитал приходить в своем.

И только придерживаемая рукой роза стыдливо пряталась под одеждой. Доставать сейчас – трудно и некогда, а на ходу дарить не хотелось. Да и не получалось – накатила непонятная робость. К тому же, если Мира пригласила Вика...

Не могла не пригласить. В отличие от Сергея, Вик жил с ней в одном поселке, транзитными коридорами до его дома идти минут пятнадцать. Сергей бывал в гостях, когда... В общем, раньше. До того.

Розу нужно дарить при всех. Пусть сначала Вик скажет или сделает что-то, потом настанет черед Сергея. Тогда посмотрим, кто лучше рисует. Собственноручно сделанные картина маслом и картина мира – вещи несравнимые. Вик приглашал в вечность, а Сергей – в жизнь.

Спутница замедлилась. У Сергея сердце зашло в виброрежиме: Мира хочет поговорить? Хочет что-то сказать?!

Наедине!

Но тогда...

Его рука полезла за подарком.

Мира сказала:

– Я живу здесь.

Сказка закончилась. Дверная пленка разошлась с хлопком мыльного пузыря, и, шурша пористыми ботами, два ярких тулупа ввалились внутрь.

Роза осталась на месте, под подкладкой.

Дом как дом, такой же у всех: ничем не примечательная прихожая с зеркальными шкафами-дисплеями, за ней такая же стандартная шестидверка-гостиная, где сейчас накрыт стол. Там громко разговаривали. Собравшиеся услышали вошедших, изнутри в проем нетерпеливо покосились три фигуры.

Душа воспарила: Амелия, близняшки Ганс и Герда... Вика не было.

Ганс и Герда чуточку различались ростом и фигурами, в остальном – абсолютные копии. На обоих черно-желтые майки и брюки, на ногах светлые туфли, белые волосы одинаково забраны в хвосты до лопаток, вытянутые подбородки вздернуты, как у аристократов былых времен, которым брат с сестрой во всем подражали. Герда с осанкой принимавшей триумф императрицы восседала в кресле около стола, Ганс крутился рядом.

Их антипод в плане прически, черненькая кудрявая Амелия выделялась на фоне близнецов простотой и женственностью. Как и Мира, она пришла в платье до колен, только не в красном, а в зеленом, ноги обуты в туфельки в тон платью, а кудри составляли на голове замысловатое сооружение. Ее беглый взгляд окинул прихожую, узкое, как у анимационной лисички, лицо на миг замерло, узнав Сергея, губы растянулись в улыбку, и Амелия тут же скрылась из видимости.

Разуваясь, Мира пересчитала вещи гостей.

– Как и сказала – почти все. – Она обернулась к Сергее. Не донесенные до полочки боты были забыты, внимание утонуло в придерживаемой подкладке его тулупа. – Что это у тебя?

– Позже скажу, хорошо? Когда все соберутся.

– Люблю сюрпризы. – Ямочки на ее щеках вместе с не потерявшими серьезности прищурившимися глазами создали странную полуулыбку – томную, загадочную и, одновременно, плутовскую.

Мира искоса проследила, как он прячет в шкаф длинный сверток, бросила одежду рядом и вошла к остальным:

– Чем занимаетесь?

Ганс пожал широкими плечами:

– Ждем команды начать веселье.

– Честно говоря, мы не дождались и уже начали, – улыбнулась его утонченная копия.

Амелия все это время курсировала по комнате и поглядывала на угощения.

– Все разговоры да разговоры, – незамедлительно встряла она, – а словами, как известно, сыт не будешь.

Тактичность в ее достоинствах числилась сразу где-то после скромности.

Стол благоухал невиданными яствами, явно тоже не из репликатора, как и подарок Сергея. Фрукты, морепродукты... Планета, где из садов только глубинные оранжереи, а до ближайшего моря нужно сначала долго добираться и затем столь же долго бурить, подобных изысков предложить не могла.

Амелия кружила вокруг стола, как потерявший орбиту и по спирали сваливавшийся в атмосферу спутник. Чувствовалось, что силу притяжения не побороть. Остановившись в опасной близости к предмету интереса, Амелия принялась, тонкие бровки вздернулись:

– Натуральное?

Мира довольно кивнула. Тоже родители постарались.

Проявленное любопытство результата не дало, за стол не пригласили, и Амелия вернулась к разговору с близнецами:

– Отгадали?

Герда переглянулась со стоявшим за спиной братом.

– Не торопи. – Ее взгляд из-под белесых ресниц остановился на Сергее.

В глубине синих глаз сквозила такая тоска, что Сергей поежился. Жаль, что кому-то плохо на этом празднике жизни. Зато у Сергея будет кому пожаловаться на вселенскую несправедливость, если дела пойдут не в желаемую сторону. Если, конечно, они туда пойдут. Не должны бы. Когда рядом Мира, в шкафу роза, а впереди долгая счастливая жизнь, о плохом просто не думалось.

Герда отвела взгляд.

– Сначала нужно доставить травоядного, – глухо сказала она, – иначе никак.

– Потом с ним нельзя будет оставить любого из других. – В размышлениях Ганс по-детски грыз ноготь. – Время между вторым и третьим рейсом для кого-то окажется последним. Задача не имеет решения.

Герда сверкнула взглядом в его сторону, пальцы Ганса мгновенно убрались от лица, а зубы в то же мгновение прикусили нижнюю губу: думать без участия тела он почему-то не умел.

– Объясните, в чем дело. – Мира села на диван у стола и похлопала рядом с собой ладонью, приглашая Сергея. – Мы тоже поучаствуем.

– Загадка на сообразительность, – ответила Амелия, кисло морщась, пока Сергей мостился рядом с Мирой. – Прибывший на чужую планету одинокий исследователь обнаружил три разумных вида – растение, хищника и травоядное. Их нужно доставить на яхту, а транспорт рассчитан на водителя и одного пассажира. В каком порядке это сделать, чтобы оставшиеся без присмотра не съели друг друга согласно пищевой цепочке? Предупреждаю, это не обманка, решение существует.

– Хорошо быть таким исследователем, чтобы в одну миссию сразу три вида открыть. – Разгадка не находилась, и Ганс увел разговор в сторону. – Мы запоздали родиться, все инте-

ресное давно обнаружено. Даже если куда-то полететь, в любом месте найдем следы тех, кто побывал там раньше.

Мира не согласилась:

– Шлюзы появились не так давно, к звездам до сих пор летят сотни новых, а до того в неизвестность ушли колонизаторские ковчеги. Мир непредставимо огромен. Было бы желание, и, если постараться, найдешь все что угодно.

– Нашли бы планету, где не нужно учиться в школе, – мечтательно протянула Амелия. – Чтобы – р-р-раз, и все знаешь! И чтобы впечаталось в память навсегда и простейшим способом. Допустим, подключаешься к сети через... как бы проще к ней подключиться?

– Проще всего мальчишкам. – С задвленным смешком Герда спрятала лицо у плеча брата. На виду остались только глаза – вновь глядевшие в упор на Сергея. И опять в них вместо веселья – пустота, мрак и белая мгла.

– Хорошо быть исследователем... – вырвалось у Сергея.

У Миры взметнулись длинные золотые ресницы:

– Ты сделал выбор?

– Еще нет.

– А вдруг твое призвание – именно это? – Так и не присевшая Амелия сделала к нему шаг. – Я бы тоже с удовольствием пошла в исследователи.

Какая разница, куда пошла бы Амелия. Сергей смотрел на Миру. Она задумчиво кивнула:

– Тебе подойдет.

– А тебе?

Кровь хлынула к его щекам, но – повезло – вопрос не услышали, Мира в этот момент обратилась ко всем:

– Ваша задачка изначально не верна, в определении содержится ошибка, которая сводит решение на нет.

– Ошибки нет! – вспыхнула Амелия.

– Были бы три ваших существа разумны, они не стали бы кидаться друг на друга, едва оставшись одни. И нормальный исследователь не потащил бы живых существ на яхту, если у них обнаружился разум. А по самой загадке скажу, что ей сто лет в обед, это переделанная история про лодку, которая вмещает двоих, про лодочника и про трех человек разных наций, которых нужно перевезти через реку, причем из этой тройки первый за что-то ненавидит второго, второй с детства не любит третьего, а третьему на всех плевать, лишь бы не трогали. Отгадка в том, что одного периодически нужно возить обратно.

Амелия скорчила недовольную рожицу. Ганс покачал головой:

– Эти нации... Как можно не договориться между собой? Не понимаю.

– Они тоже друг друга не понимали, – объяснила Мира. – Языки были разные.

– А нам из-за них приходится все пять языков осваивать, и это не считая общего.

Мира фыркнула:

– Пять? В международной организации, которая объединяла землян, было двести наций!

И язык у каждого свой.

– Они учили все двести?! – не поверил Ганс.

– Не знаю. Сохранились языки тех, кто отправил ковчеги, с тех пор мы учим всю пятерку.

– И общий язык, – добавил Ганс. – Он хоть и состоит из их смеси, но это отдельный язык.

Уже шесть.

– На самом деле языков намного больше, – сказал Сергей. – В ковчегах были люди разных наций. На многих планетах есть места и целые континенты, где говорят на собственных языках. Некоторые из этих языков становятся все более известными и популярными во всем Конфедере.

Ганс и Амелия отреагировали синхронно:

– Нам придется учить их тоже?!

Ганс закатил глаза, Амелия схватилась за голову. Мира и Герда улыбнулись.

Угощения манили, Сергей видел, как гости поочередно оглядываются на стол, но приглашения садиться не поступало. Он тихо спросил Миру:

– Ждешь родителей?

Ее мама работала медиком в восстановительном центре, папа был инженером техподдержки.

– Они у себя, – палец Миры указал вниз, где располагались спальни. – Остальное полностью в нашем распоряжении.

Последняя мысль должна была обрадовать... но нет. Глядя в сторону, Сергей глухо поинтересовался:

– Будет кто-то еще?

– Должен Вик подойти. – Мира опустила глаза.

– Ясно.

Тягостность минуты разрядила Амелия:

– Пока ждем, давайте сыграем во что-нибудь. В конце концов, мы так редко собираемся, а есть множество игр, в которые с дисплеем не сыграть. Предлагаю по жребии завязать кому-нибудь глаза, и пусть он на ощупь отгадает того, кого найдет!

Выпалив, она странно сторбилась и как бы сдулась, будто из нее выпустили воздух, а взгляд конфузливо пробежал по одноклассникам: поддержат ли?

Ганс, не сводивший глаз с Амелии (когда она не видела, что на нее смотрят), уже примерил ситуацию на себя.

– Я – «за». В такое, сидя по домам, точно не сыграть.

Он взбудораженно замер в ожидании решения остальных.

Белая императрица в кресле выпятила грудь и положила ногу на ногу.

– Мне тоже нравится.

Ее старания предназначались для Сергея: и поза, и тон, с каким было сказано, и красноречивый взгляд, говоривший: до официального партнерства не доросли самую малость, но это же не повод отказываться от маленьких шалостей на большие темы?

Мнение Сергея было схожим, ладони заранее вспотели в предвкушении, как коснутся заветного платья, которое он ни за что не спутает с похожим.

– А если Ганс поймает Герду или наоборот? – спросила Мира.

На всех словно воды вылили. Из возраста несмышленишей, когда братья и сестры мылись под одним душем и бок о бок восседали на горшках, все давно вышли.

– Для них можно придумать особые правила... – потупилась Амелия.

Сергей предложил:

– Лучше сыграть в джедаев.

– Точно! – подхватил Ганс.

Остальные тоже воодушевились.

Джедаи – вооруженные особым оружием полицейские древнего мира, их изображений сохранилось немало. Ученые в существовании джедаев почему-то сомневались, но это ничего не значило. Достаточно одной находки археологов, и все станет на свои места. Любая догма в свое время была теорией. Надо лишь подождать. Пистолеты же по найденным образцам восстановили? Найдут световой меч – восстановят и его, и вместо повторяющего внешний вид аналога каждый сможет подержать в руке оваянный легендами аутентичный.

Игра в джедаев подразумевала бой на таких мечях. Голографических противников можно кромсать сотнями, а живой соперник – событие почти небывалое. Световые мечи, конечно, будут поддельными, но гудят и искрят они при ударах как настоящие – те, что из сохранившихся видеосвидетельств.

Отвыкшие от живого общения, одноклассники засуетились, Мира отправилась к репликатору сделать мечи, Амелия тут же завела вечную шарманку о правилах, причем ее логика была простой: зачем вспоминать старые правила, если можно придумать новые?

Как всегда, никто не хотел занять темную сторону, каждый мнил себя светочем добра и на уступки идти не хотел. С мертвой точки дело сдвинуло предложение поочередно меняться, но пары для схваток упорно не складывались. Ганс хотел биться плечом к плечу с Амелией, Амелия и Герда – вместе с Сергеем, а он, понятное дело, с Мирой. Решение воевать мальчишкам против девчонок разрядило обстановку, и тогда накалились страсти по поводу, кого первыми назначить ситхами.

Мира все чаще оглядывалась на спящие экраны. Нервозность передалась Сергею, его поднятая рука остановила спор:

– По-моему, Вик слишком задерживается. Может быть, ему позвонить, сказать, что если не поторопится, начнем без него?

– Правильно! – выпалила Мира.

Казалось, от облегчения она бросится с объятиями, но порыв прошел, ее унесло в прихожую.

В прихожую. Она не захотела говорить с Виком при всех. Хуже не придумать. Взгляд Сергея упал на шкаф с дожидавшейся звездного часа розой. Перебьет ли подарок то, что принесет Вик?

Он вздрогнул – незаметно подошедшая Амелия потерлась об него плечом:

– Если ты не заметил, мы уже начали. Когда придет Вик, у Миры будет собственный кавалер и спарринг-партнер.

На другом конце комнаты погрузнел Ганс.

Что-то неправильно в этом мире, если все так перепутано. Не зря придумано партнерство, иначе вместо учебы у школьников и студентов основная часть времени уходила бы на выяснение отношений. Или на поиск тех, с кем бы их повьяснять.

Сергей отодвинул Амелию:

– А если Вик тащит какую-нибудь тяжесть? Он мог картину нарисовать – как в музее, во всю стену. Пойду, узнаю, вдруг надо помочь.

Несколько шагов из комнаты – и, едва он ступил в проем, как мама Вика с экрана узнала его и помахала рукой:

– Здравствуй, Сережа. Давненько тебя не видно.

– Здравствуйте. На первом месте – учеба, на прочее времени не остается.

– Понимаю. Вик тоже – то в учебе, то с красками... Даже поесть иногда забывает.

Мира, стоявшая напротив экрана, нервно перебила:

– Он пошел верхом? Зачем?!

Продолжался разговор, начатый до появления Сергея.

– Сказал «так надо». – Мама Вика пожала плечами. – Он часто ходит поверху.

– Я только что звонила, он не отвечает.

– Отключился или опять связи нет. Погода хорошая, и он где-то рядом, просто подожди немного. Он хотел сделать сюрприз... – Мама Вика вскинула ладонь рту. – Мирочка, если что – я ничего не говорила.

Экран погас.

– Вик вышел давно. – Мира прислонилась к стене.

Ее губы сжались в тонкую полоску.

– Мама не волнуется – значит, все нормально. Если переживаешь, можем посмотреть сверху. Включай вид со спутника. Так, теперь наводи и приближай. Еще. Еще...

Серый шар заполнил экран – в какой-то миг показалось, что комната падает на резко приблизившуюся планету. Мрачно-свинцовое стало белым, поверхность разлетелась в стороны

горами и торосами, прорисовались детали. У закрытого люка, где недавно Мира встречала Сергея, во весь экран переливался выложенный огнями узнаваемый профиль, рядом светилось имя – огромные, в несколько ростов каждая, четыре буквы. Их заметало, но всепогодные свечи прорывали вечное ненастье, возносились к далекому космосу и оттуда пересылали картинку адресату.

Адресат застыл, пригвожденный увиденным: надпись была незаконченной, поперек недописанной буквы «А» темнело неподвижное тело.

Мира сорвалась с места.

– Стой! – заорал вдогонку Сергей. – Тулуп! Боты! Маску!

Перечисленное пришлось хватать самому. Он помчался следом. Оставленные открытыми двери недовольно сползались за спиной, ругаясь на несносную молодежь, впереди не успевал включаться свет – реагирование на движение не соотносилось со скоростью движения. Витиевато проложенные коридоры хмурились низкими потолками и многоголосым эхом роптали на топот легких ножек и, с небольшим отставанием, других, более быстрых и тоже в обуви для закрытых помещений. Несмотря ни на что, более быстрые не могли догнать первую пару. В залах-переходах эхо из звонкого становилось гулким, из некоторых дверей на звук выглядывали удивленные лица. Сергей не останавливался на объяснения, душа улетела вперед, задачей тела стало обогнать душу.

Мальчики сильнее девочек, а сильный всегда догонит слабого – аксиома. Ха-ха. Шли бы ученые с такими аксиомами в то место, которым их сочиняют. Или пусть побегают за слабым нежным созданием, когда этому созданию вожжа под хвост попала. И посмотрим, что те ученые напишут. Если напишут. Если добегут. Если после такого вспомнят, как писать.

Вызывать лифт Мира не стала, она физически не могла ждать. Топот унесся по крутой лестнице, Сергей бежал сзади, ориентируясь на слух – ожидать лифта он тоже был не в состоянии. Поднявшийся люк входа отворился, дохнуло колючей изморосью.

– Мира! Подожди, я рядом, у меня одежда!

Она даже не обернулась.

Теперь: зубы стиснуть, дышать только носом, на боль не отвлекаться. Но он не выдержал:

– Ми-ира-а-аа!

Потому что это была самая сильная боль.

Крик сгинул в сверкавшей белизне, как и предыдущий. Мира бежала где-то впереди в царапающей кожу вьюге, ударившая в лицо пурга забивала глаза и лезла в рот. Пургой она казалась открытым телам и не предназначенной для мороза одежонке, на самом деле – не пурга, а поземка, искрящийся флер поверх раскинувшейся слепящей простыни безмолвия.

Выскочить наружу в домашнем – это хуже чем глупо. Это смертельно. Учитель по нестандартным ситуациям сказал бы, что первым делом нужно вызвать спасателей, вторым – обезопаситься самим, и только третьим – отправляться на помощь тому, кому помочь, скорее всего, уже невозможно.

Охалка с одеждой мешала, ступни хрустели в изумленно хрюкавшем снегу, ноги периодически проваливались выше колена. И это у Сергея. Как же бежала Мира – маленькая в сравнении с ним, в туфельках с кокетливыми каблучками? А она бежала – бежала так, как никогда не пробежать ему, ни на спор, ни на экзамене. Так летит взгляд, а привязанное тело волочится следом – неуклюжий материальный придаток к чему-то невероятно огромному и великому. В былые времена люди верили в богов, это смешило школьников. Глядя на Миру, Сергей понял: поверить в невозможное легко. Достаточно один раз увидеть.

Глаза на морозе слезятся, их в тот же миг вымораживает, и на щеках остаются жуткие дорожки. Сами щеки превращаются в забытую в морозильнике стальную фольгу. Ткни – осыплются хрустящими осколками. Голову сжало, как тисками, конечности ломило и выкручивало, уши резало тупыми ножницами, ими же выкалывало глаза.

Впереди мелькало красное платье.

Сергей неся следом.

Уже скоро.

Из-за мороза и аномалий батареи, бывает, разряжаются мгновенно, хотя рассчитаны на годы, потому связь, скорее всего, Вик не отключал – у него либо зарядка приказала долго жить, либо само устройство подвело.

Чему учили с малых лет? В первую очередь – вызвать спасателей. Пока они добираются, пострадавшего следует напоить и накормить горячим. Весьма актуальная информация, чтоб ее подальше и надолго.

Вспоминаем дальше.

Никогда не тереть повреждения. Если поблизости не оказалось лечебника, при легком переохлаждении согреть пострадавшего в ванне комнатной температуры, ни в коем случае не горячей. Постепенно повышать температуру воды.

Тоже не то.

Обморожение начинается с удаленных частей: носа, ушей, пальцев... Скорость обмена веществ снизилась, внутренние механизмы с восполнением тепла не справляются. Метаболизм откинул копыта, но из-за низкой температуры процесс умирания растянут во времени. Мертвеют абсолютно все мягкие ткани. Поражаются кости и суставы. При охлаждении организма до комнатной температуры дыхательный центр в продолговатом мозге отключается, наступает клиническая смерть. Для успешного возвращения к жизни остается не больше нескольких минут.

Несколько минут. Сколько Вик лежит на морозе?

А сколько понадобится, чтобы вернуться обратно, если дыхание уже никуда не годится, кожа болит от ожогов, а сознание мутнеет?

Ноги почти не слушались, передвигались исключительно усилием воли. Рядом возникли тени. Люди? Кто-то догадался вызвать спасателей?

Нет, лица вокруг знакомые. Вот мама с папой. Амелия – пятнышко яркой зелени, с улыбкой несущееся рядом. Платье задорно развевается, мелькают коленки... Здесь? Смогла догнать?!

Другой вопрос: почему ей не холодно?!

Со звонким смехом Амелия исчезла, родители тоже растворились в искрящем безумии. Всего лишь глюки промерзших извилин. Мозг изо всех сил сопротивляется, но надолго его не хватит.

Огоньки испуганно шарахнулись, Сергей едва не опрокинул остановившуюся Миру.

Вик лежал недвижимый, облачко пара отсутствовало. Пытавшаяся нагнуться Мира не смогла этого сделать: поясница и конечности не сгибались, скукожившееся платье задубело, при желании двинуться оно гремело, как двухвековой уборщик, трещало от прилагаемых усилий и грозило сломаться. Краска на туфлях стреляла и отваливалась лохмотьями. Из покрытых ледяной коростой волос глядело синюшно-мертвое лицо, а взгляд, почти бессмысленный, жил только чувствами. Но они тоже умерли. Глаза погасли, и Мира повалилась на Вика с безжизненным стуком.

Сергей бросил вещи на снег и втащил деревянно глядевшую Миру на раскрытый тулуп – завернуть. На спасение есть несколько минут. Простейший лечебник есть в лифте. Только бы добраться. Нужно успеть. Нужно.

Н у ж н о!!!

Сознание отправилось в нокаут или где-то гуляло, но организм жил словом «нужно». Потому что иначе нельзя. Незачем.

Пальцы отмерзли напрочь, конечности едва ворочались. Не сдвинуть. Это выше человеческих сил. Удалось лишь обложить по бокам. И тогда он упал сверху, укрывая собой. Хоть

что-то. Среди теплых вещей с включившимся обогревом и рухнувшим сверху Сергеем у Миры появится шанс.

Искрящую белизну заволокла тень – с неба спускался диск спасателей.

Глава 5. Второй уровень

И снова все как обычно: занятия, самостоятельные и с присутствием, умственные и физические, посещение музеев для приобщения к трудному славному прошлому и ощущения связи поколений... Начальный уровень тянулся долго, а пролетел незаметно. Затем было прощание с родителями, обещание звонить, напутствие отца и слезы матери... Для них Сергей всегда оставался маленьким, даже при вступлении во взрослую жизнь.

Получать образование второго уровня подростки явились с вещами. Рюкзаки с греющей душу мелочью и умные тележки с более крупным скарбом заняли все углы и полки гардероба, впереди ждало вселение в комнаты общежития, в общем – пришла долгожданная свобода, которую родители и учителя со странным упорством именовали ответственностью. Прав без обязанностей не бывает, а за слова и поступки нужно отвечать – эту примитивную мысль вдалбливали с первых дней жизни, но одно дело – отвечать за то, что совершено под контролем, и совсем другое – за то, что произойдет по собственной воле. И по собственной глупости. Без последнего никуда, чужие ошибки человек изучает, но учится на своих. Настало время их совершить.

Говорить о партнерстве в школьной среде считалось неприличным, строить планы – тем более. Если не смог показать себя в предыдущие годы, пенять не на кого. Получай, что дадут. Вариант с «не дадут» большинством не рассматривался, но нервишки пошаливали. А вдруг? Поэтому каждый выкладывался в учебе и старался показать себя лучшим образом со всех сторон. Ничто так не стимулировало, как существование одиночек.

Классы, где сдавали экзамены, теперь стали местом занятий. Стены-дисплеи занимали весь периметр вместе с дверью. Трехмерными экранами работали также пол и потолок, отчего эффект полного погружения взрывал мозг. Не подвергая себя опасности сидеть над жерлом огнедышащего вулкана, присутствовать в джунглях чуждой человеку фауны или будто из ложи наблюдать, как зарождается Сверхновая – для усвоения материала это гораздо результативнее, чем тужиться, вглядываясь в мини-изображения и пытаясь понять, что же там происходит: укрупнение картинки мешало восприятию целостности вида, частное убивало общее. Отныне каждое занятие превратится в зрелище и врежется в память без дополнительных усилий, которые (для того и сделано) немедленно будут направлены на что-то другое, не менее необходимое для учебного процесса. Учительское кресло стояло у двери, парты расходились от него подковой и окружали центр, где, если не демонстрировались голограммы пособий или химфизных опытов, следя за выполнением заданий ходил учитель.

За несколько дней, прошедших с выпускных, одноклассники не могли измениться, но в каждом что-то стало другим. У шутников посерьезнели взоры, а с лиц смылись ехидные улыбочки. У активных растерялся задор. Тихони приобрели странную солидность. Девушки, все как одна, держали спины ровными, подбородки вздернутыми, а взоры загадочными. Их тонкие талии компенсировались бедрами и грудными клетками, налившимися взрослостью, как в столовой тарелки желейным десертом. Нежность наполнения зашкаливала. Парни соответствовали: гордые взгляды как бы свидетельствовали о непомерной отваге и бесконечной мудрости, а спортивные тела не оставляли сомнений в умениях, для которых их предназначила природа. Второй уровень, как ни крути. Не дети. Во всяком случае, того, кто рискнул бы убедить в обратном, могли поколотить.

Мира единственная отказалась взростеть внешностью: прическа с забавными хвостиками на обе стороны превратила голову в спустившуюся с небес веселую звездочку, взор с искорками и ямочки на щеках добавляли колорита. Округлившиеся формы ничуть не мешали образу.

Сергей вздохнул и отвел взгляд.

Когда все расселись, вошел учитель, и в тишине ожидания перемен, так щекотавших нервы и внутренности, разнесся его ровный голос:

– Ваша учеба начиналась с изучения моральных правил, принятых в Союзе Конфедераций, которые кто-то по привычке называет религией. Это неправильно. На некоторых планетах до сих пор сохранились остатки религий древнего типа, но все, чего за последнюю тысячу лет достигла наука, произошло благодаря сомнению, а чего не достигла за предыдущую тысячу – из-за веры. Религии заставляют людей не принимать других, даже отказывать им в существовании, однако, простая логика говорит: зачем ненавидеть людей из-за религии, если можно ненавидеть за глупость, хамство, невежество, подлость? Религии, как главный конкурент науки за мозги людей, кончились, когда труд духовенства стали оплачивать духовно, с тех пор граждане Союза руководствуются сводом этических норм. Эти моральные правила получили название водных принципов. Давайте повторим их.

Выдрессированный хор слаженно выдал:

– Первый принцип: будь чист, как вода. Второй принцип: смывай грязь мыслей и поступков с себя и других. Как вода. Третий принцип: действуй сам, и заставишь действовать других. Как вода. Четвертый принцип: преграды, что встают на пути, усиливают тебя. Как воду. Пятый принцип: остановка ведет к забвению. Как воду. Шестой принцип: того, кто отгородится от окружающих, физические и душевные болезни съедят изнутри, тепло убьет, холод обратит в камень, земля впитают. Как воду. Седьмой принцип: что сможешь сдвинуть, с тем и останешься. Как вода. Восьмой принцип: ищи свой путь. Как вода. Девятый принцип: не останавливайся на избранном пути. Как вода. Десятый принцип: капля не может ничего, поток – все. Будь как вода. Одиннадцатый принцип: всегда оставайся собой. Как вода. Общий принцип: будь как вода.

Не успело затихнуть эхо, Вик поднял руку:

– Можно вопрос?

– По водным принципам? Через столько лет учебы?

– Нет, по религиям. – Вик поднялся. Все взгляды устремились на него, и это прибавило ему сил, голос стал увереннее: – Вы сказали, что религии кончились, если не считать последних выдыхающихся анклавов, и что у цивилизации Конфедера есть только моральные правила, а религии нет. Хочу возразить.

Учитель улыбнулся:

– Довольно дерзкое заявление.

– Дерзость – не грубость, а лишенная лицемерия формулировка истины. – Вик обратился не столько к учителю, сколько к одноклассникам. – Разве наш общественный строй нерелигиозный? Религия в социологическом и философском аспектах расценивается обычными людьми как правда, умными – как ложь, правителями – как полезность, то есть установленный у нас строй – полезная богатому классу религия. Я вижу сплошные аналогии: комиссары по финансам и распределению – священники, богачи – святые, бедняки – грешники, даруемые материальным положением возможности – благословения. Сюда же добавлю седьмой водный принцип – «что сможешь сдвинуть, с тем и останешься», он укладывается в общую картину вместе с подтекстом остальных. Получается, что богатство – это рай, бедность – ад, деньги – бог. Все признаки религии налицо: у нас имеется система верования, разделяемая группой людей, которые исполняют определенные ритуалы.

Лица с открывшимися ртами скопом сдвинулись на учителя, словно их сквозняком развернуло.

– Признаки религии – это несколько иное, чем ты предполагаешь, – последовало спокойное доброжелательное разъяснение. – Религии предполагают сверхъестественное и делят людей на своих и чужих. Дальше углубляться не будем – твои мысли касаются экономики, о ней и скажем. Для начала вспомним общественный договор, который мы проходили. Каждый

гражданин имеет гарантированный минимум, никто не обижен, а доходы и наследства богатых обложены налогами по системе, немислимой для прежних времен. Повышаемая с размером дохода ставка – разве не средство против расслоения общества, в твоих терминах – рая и ада? Прогрессивная шкала налогов постепенно повышается от нуля для начинающих до девяносто девяти процентов, чтобы процесс зарабатывания привлекал не столько доходом, сколько азартом и приносимым удовольствием. Наиболее богатых отслеживают и держат на крючке, чтобы богатство не влияло на политику и сложившуюся систему взаимоотношений. Наследство также облагается по прогрессивной шкале, это заставляет не копить, а вкладывать во что-то реальное. В результате получается рай без ада, причем он существует здесь и сейчас. Религии же начисляют бонусы исключительно для использования в жизни загробной.

Несколько растеряв уверенность, Вик не сдавался:

– Если человек придумал какую-то глупость, которую захотят посмотреть или приобрести миллиарды людей, с патента ему капает триллионы. После вычета налогов это десятки миллиардов. А у кого-то на руках тысячи, и это в лучшем случае. Разве справедливо?

– В вопросе заключен ответ, ты его игнорируешь. Кто-то что-то создал – он получает вознаграждение. Не смог – его кормит общество, а оно живет на средства тех, кто что-то делает. Люди веками пытались построить другие системы, но те себя не оправдали. Каждый социальный эксперимент в истории человечества привел к краху с миллионами жертв.

– Тогда еще один вопрос по вашей речи о религиях. В ее начале вы сформулировали: «Религии как главный конкурент науки за мозги людей...» Меня зацепило слово «главный». Это означает, что имеются другие.

Класс всколыхнулся:

– Разве есть что-то еще?

– Молодец, Вик. Есть.

В установившейся тишине было слышно, как скрипят об пол чьи-то подошвы.

– Это физиология, – упало слово, с некоторых пор сидевшее в голове каждого. – Сейчас поговорим о ней более подробно, а тебе, Вик, позволь дать совет, к которому рекомендую прислушаться всем: будьте внимательны к своим мыслям, они начало поступков.

Вик хотел что-то добавить, но махнул рукой и опустил на место.

Сергей, Мира и Вик сидели за партами рядом, в перечисленном порядке. Их дружба продолжалась. Так выглядело со стороны. А изнутри словно пружинка сломалась: учеба, встречи и разговоры походили на прежние, но прежними быть не могли. Будто красивая картина написана по холсту, где раньше была бранная надпись, и знание прошлого отравляло наслаждение от настоящего. О будущем теперь не говорили вообще, даже профессии не обсуждали. Мира предпочитала общение с Виком, а тот вновь стал дружить с Сергеем, чувствуя вину и благодарность. Последнее напрягало, пришлось вызвать товарища на откровенный разговор. Все прояснилось: в рассказе Вику о его спасении Мира опустила некоторые подробности и даже поменяла их, и получилось, что главную роль сыграла не она.

Спасатели, вызванные догадливыми одноклассниками, успели до наступления непоправимого. В медицинском отсеке первыми привели в чувство Сергея и Миру, с Виком пришлось повозиться, его нахождение на морозе оказалось критичным: когда лопнул один из старых, оставшихся еще от отца, ботов, Вик упорно не вызывал помощь в надежде закончить с подарком, на который ушло столько сил. Связь он отключил еще раньше: не хотел, чтобы кто-то помешал и испортил сюрприз.

Версия, что именно Сергей нашел тело и бросился на выручку, позволила Вику вновь обрести друга... правильнее сказать – приятеля, и остаться в орбите отношений с Мирой. Ганс, Амелия и Герда подтвердили: Сергей очень беспокоился и даже игру прервал. И поиск со спутника начал именно он.

Роза помялась и выпала где-то, когда Сергей бежал. Мира не спрашивала о его несостоявшемся сюрпризе, он не напоминал. Рассказ о цветке не затмил бы живую картинку подарка Вика. Проще было забыть.

За молчание о своей роли Мира отблагодарила тем, что в общении не делала разницы между тем, за кем бежала, и тем, кто бежал за ней. Сделанная на эмоциях выходка – с риском для жизни и репутации – задним числом казалась безответственной и неблагоприятной, а кому хочется выглядеть глупой в глазах человека, который нравится? Еще и навязывающейся. Вот и получилось то, что получилось.

Отныне они общались (на посторонний взгляд – дружили) втроем. Учеба и отдых в таком составе постепенно стали привычными, учителя приводили их в качестве примера настоящей дружбы и взаимопомощи. Так прошло время, и настал момент истины – день, когда далекое, казавшееся чем-то сказочным, невыносимо долгожданное партнерство из царства снов и грез переезжало в реальность.

Учитель ходил вдоль парт, не останавливая взгляд ни на ком конкретно:

– Физиология всегда давала о себе знать. Введенные религиями запреты заткнули пробку котла над костром инстинкта, и это медленно, но верно вело к взрыву. Давно известно: обиженные стараются обидеть, счастливые – осчастливить. Граждане задыхались под действиями запретов. Понятие греха надолго отравило людям счастье, а неудовлетворенный половой инстинкт принимал ужасающие формы – от необъяснимой агрессии и жестокости до погружения в беспричинную суицидальную депрессию. Частым явлением были убийства и самоубийства. Вспомним седьмой, десятый и общий водные принципы: что сможешь сдвинуть, с тем и останешься; капля не может ничего, поток – все; будь как вода. Издревле решением указанных проблем являлась семья. Напомню кое-что из древних мифов: «И сказал Бог: не хорошо быть человеку одному. Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть». Основой стабильности любой цивилизации является семья. Семья – это общество в миниатюре и одновременно гарант его целостности и безопасности. Человечество совершало ошибки, которые едва не привели его к гибели. История доказала: именно семья – основная ячейка любого общества во все времена. Герда, попробуй дать определение семьи своими словами.

Беловолосая фигурка медленно распрямилась, взгляд растерянно пробежал по одноклассникам.

– Создание семьи – это... найти, с кем хорошо не только в радости, но и в беде. В смысле, что не того, с кем хорошо, а без кого плохо.

– Правильно. Садись. Итого: счастливые семьи подразумевают счастливое общество, а с учетом физиологического аспекта верна и другая интерпретация данного тезиса: здоровая семья – здоровое общество. Если семейная жизнь не сложится, можно, конечно, попробовать еще раз, но повторяемая ошибка – это уже не ошибка, а стиль жизни. Не стоит доводить до повторения. Намного проще лить воду в пустой стакан, чем доливать в прежде наполненный чем-то неприятным. Каждый из вас прекрасно понимает, что плохая семья не нужна никому, а хорошая сама собой не сложится – ее нужно выпестовать и заслужить. Чтобы создать достойную семью, необходим опыт. Приобрести семейный опыт – один из двух столпов, на которых держится социальный институт партнерства, а второй – физиология. Для здоровья человеку требуется семья, но пока не встретится тот единственный, без кого, как сказала Герда, плохо, человек может совершить множество ошибок. В свое время человечество опомнилось и закрыло путь для легковесных экспериментов. Человек в самые активные годы обязан думать не о нормализации гормонального фона, а об учебе, и осуществлять поиск не объекта для приложения чресел, а себя в окружающем мире. Для сброса негативного напряжения и направления энергии в целесообразное и плодотворное русло создана такая форма общественного устройства, как партнерство. Достигшие первого порога ответственности получают все права

взрослого, за исключением... Амелия, учитель спереди, а не сбоку. Продолжи, если уловила, о чем идет речь.

Сидевшая плечом к плечу с Сергеем по другую сторону от Миры и периодически задевавшая его коленкой, Амелия вскочила, откиннутые кудри вновь свалились на глаза, отчего вид со взглядом сквозь волосы получился хитрый, словно Амелия собралась пошалить.

– Достижение первого порога ответственности получают все права взрослого, за исключением права на создание семьи, – без запинки отрапортовала она.

– В нескольких словах опиши отличие семейных отношений от партнерских.

– Семья предполагает общий бюджет, не определенное сроками совместное проживание, а также зачатие и воспитание детей.

– Садись и не вертись. Итак, партнерство. Это не только приятные права, но и обязанности. В партнерстве люди учатся делать то, чего не хочется, чтобы достичь того, что хочется, и делать это как надо, даже когда кажется, что делать можно не в полную силу. Если партнерство не сложилось, не стоит разочаровываться, повезет в следующий раз. В то же время проживание без партнера служит замечательным фактором саморазвития, время в нем нельзя считать потерянным. Надежда на отношения так же приятна, как сами отношения, поскольку счастье – это, говоря обобщенно, не столько сама цель, сколько путь к нему. Подводим итог. Партнерство служит целям здоровья организма и общества, оно на практике доносит до сердца каждого непростую аксиому, что в отношениях, как и во всем прочем, есть неповторимые, а незаменимых нет. Переходим в практической части.

Сергей непроизвольно сглотнул. В животе таяло что-то сладкое и растекалось по организму, застилая глаза и заставляя руки дрожать.

Первое партнерство. Время пришло.

Перед каждым на парте всплыло окошко, учитель указал на него:

– Впишите три имени в порядке приоритета. При взаимном совпадении в первой строчке пара автоматически считается одобренной, в противном случае рассматриваются совпадения по второму, затем по третьему уровням. Во время голосования соблюдать тишину, не переглядываться и не подсматривать в дисплеи одноклассников. Любое нарушение приведет к удалению из списка претендентов на партнерство в этом триместре. Напомню также, что удача не вечна, но неудача тоже. Партнерство прекрасно иллюстрирует это. Кому не повезет сейчас, дождутся часа, и их желания тоже сбудутся. На этом построен алгоритм партнерства с его запретом трижды подряд выбирать одного: каждый гражданин первого порога зрелости должен обзавестись собственным опытом, положительным и отрицательным, и узнать, что все люди – разные, и что недостатки у всех свои, но недостатки одного человека могут вас бесить, другого – привлекать, а то, что вы считаете своими достоинствами, кому-то кажется недостатком. Этому вас научат отношения в партнерстве, и тогда будущая семейная жизнь не окажется сюрпризом. Можно приступать.

Сергей настучал, от волнения не попадая в нужные буквы и срочно заменяя их: «Мира». Больше никого писать не хотелось. К сожалению, правила требовали трех претенденток, и после паузы ниже появилось: «Амелия».

Плохая идея. Как ни страдало самолюбие, но требовалось признать: Мира, скорее всего, выберет Вика, а несносный чернявый комок энергии вне сомнений первым впишет Сергея, у Амелии это на лбу написано. Значит, именно с ней придется жить ближайшие три месяца.

«Амелия» переехало на третью позицию, а вторую строку после некоторого колебания заняла Герда – спокойная, ровная, вдумчивая. А то, что чуточку заносчивая – не беда. «Аристократическая» надменность, построенная на высоком самомнении и амбициозности, либо сама пройдет, либо примелькается и со временем станет фирменным знаком Герды, ведь личностью, как неоднократно повторял учитель, делают не столько достоинства, сколько недостатки.

– Принято.

Долгожданное произошло. Искрящее напряжение ощущалось кожей, каждый сидел как на оголенном токоприемнике, пока учитель с непроницаемым лицом проглядывал результаты. Коленка Амелии вновь коснулась бедра Сергея, ее лежавший на парте локоть пошел мурашками.

Смотреть в другую сторону Сергей боялся.

Раздалось:

– Чьи имена прозвучат, могут отправляться за вещами и готовиться к заселению, оно произойдет в порядке называния пар, как только автотележки получат адреса.

Начали объявлять. Низ живота жалобно ныл и поскуливал в предчувствии скорых изменений. Партнерство. Первый порог ответственности. Настоящая взрослость. Дожил.

Если бы только Мира выбрала его...

– Антон и Марта, совпадение по первой позиции. Поздравляю.

Двое вскочили, их руки сплелись, сияющие лица в один миг исчезли из поля зрения в тусклом коридоре.

– Валентин и Кристина, совпадение по первой позиции. Поздравляю.

История повторилась.

– Герман и Анна, совпадение по первой позиции. Поздравляю.

За ними четвертая пара. Пятая. Шестая. Ни одного имени из тех, что горели в мозгу, не звучало. Сначала это было странным, через минуту – неприятным. Вскоре стало зловещим. Удивление сменялось паникой.

– Ганс и Амелия, совпадение по первой и второй позициям. Будьте счастливы.

Лицо Амелии побелело, превратившись в посмертную маску, в глазах застыл вопрос: «Как же так?!»

Ганс протянул ей руку. Вымучив улыбку, Амелия встала, тряхнула черными кудрями и с гордо вскинутым подбородком удалилась с едва не подпрыгивавшим от счастья беловолосиком.

– Роберт и Герда, совпадение по первой и второй позициям. Будьте счастливы.

Царственно поднимаясь, Герда оглянулась на Сергея. Она тоже просчитывала варианты, как любой в классе. И тоже ничего не понимала.

Осталось несколько человек. У Сергея не укладывалось в голове: у него не сошлось ни с Амелией, ни с Гердой, которые не могли не вписать его одним из трех. Просто не могли. Чтобы такое произошло... у него должно получиться с Мирой! А как же Вик? Он не упомянул бы никого не из их компании, а первой – на пари можно зуб дать, и не один – вписал Миру. И если сейчас назовут их, то что же произошло с Сергеем и его ушедшими с другими второй и третьей строчками?

Равнодушно прилетело:

– Сергей и Мира, совпадение по первой и второй позициям. Будьте счастливы.

Если бы на голову рухнул потолок со всей многометровой толщей, разрушения в мозгах были бы меньше. Сергей поднялся, больше похожий на сомнамбулу, машинально протянутая ладонь повисла в воздухе: названная партнерша смотрела на Вика. Она на него т-а-к смотрела...

А на Вика было страшно смотреть. Если на Сергея будто бы упал потолок, то у Вика разрушился мир. Вдребезги.

Вик поднял руку.

Учитель отрицательно качнул головой: не сейчас, жди своей очереди.

– Но я... – Вик начал приподниматься вслед за Мирой, которой пришлось встать под взглядами нетерпеливо ждавших судьбы одноклассников.

– За разговоры без разрешения полагается наказание, и если не хочешь ухудшать положение – помолчи. Сергей и Мира, вас ждут.

В руку Сергея ткнулась ладонь – ледяная, совершенно неживая. Мира бездумно переставляла ноги, глаза мертво глядели вперед.

Коридор вывел в гардероб, где Сергей накиннул на плечи рюкзак и предложил, протягивая руку к вещам партнерши:

– Давай помогу.

– Я сама, – безжизненно донеслось в ответ.

Их тележки с багажом активировались, получив адрес, каждая сообщила:

– Следуйте за мной.

Школьные коридоры ничем не отличались от таких же в поселке – столь же узкие, низкие, с навевавшим тоску освещением. А запутанностью даже превосходили. Незвестное количество проведенных в молчании поворотов вывело в тупик со множеством дверей. У одной двери, с табличкой «113 Е-2», тележки затормозили:

– Ваша комната. Размещайтесь.

Тележки въехали в угодливо разъехавшиеся створки.

Сергей и Мира остались стоять снаружи. Мира смотрела назад. Сергей тоже ждал. Чего? Непонятно. Отныне остальное роли не играет, главное случилось. Он и Мира – партнеры.

В соседние комнаты проследовал растянувшийся караван улыбающихся или нервно косившихся друг на друга пар. Вика среди них не было. По условиям партнерства, если пары по каким-то причинам не сложились, оставшихся, у кого нет противопоказаний, соединяют учителя с учетом мнения комиссии по психическому и физическому здоровью населения. В течение всей жизни комиссия внимательно следит за каждым, к ней стекаются все данные. Об учебе – с первого класса, в целом о человеке – с рождения. Лучше сказать, с зачатия. Без рекомендаций комиссии не происходит ни одного значимого события в судьбе граждан Конфедата. Случалось, что кому-нибудь рекомендовали подождать с партнерством. Причины не обнаруживались. Если с Виком произошло нечто подобное...

Невозможно. Созревшему парню, однажды едва не погибшему в борьбе за внимание девочки, не могут рекомендовать подождать, он физически не готов ждать. Партнерство введено для решения проблем, зачем же плодить их на ровном месте? Каждый, кто остался вне партнерства, для знакомых станет объектом издевок, одноклассники заключают его придумыванием обидных причин такого решения, а посторонние будут считать неполноценным с точки зрения психики или физиологии – физиологии намеренно искаженной, так как изменить ее в худшую сторону может только больной на голову человек. Все вместе будут ждать его отъезда на лечение, в воздухе повиснет недоумение, почему больного держат среди здоровых.

Мимо Сергея и Миры в новую жизнь двигалась очередная пара. Вихреобразный и оттого периодически опасный для окружающих Вадик возбужденно размахивал руками и непонятно каким образом (должно быть, сказывался многолетний опыт) не запутывался в своих длинных ногах. Его сопровождала вечно задумчивая Нинель – грустная, потерянная, не поднимающая лица. Сергей знал, что ей нравился Ганс.

– Это ваша? – Вадик кивнул на распахнутую дверь.

Жалко Нинель. Ей на тупые вопросы теперь отвечать весь ближайший триместр.

– Как? – Мира глазами указала однокласснице на Вадика. Во взгляде вопрос читался полностью, со всеми нюансами: «Как тебя угораздило?»

– По третьей позиции и рекомендации комиссии.

Тележки одноклассников укатили вперед, новоявленная пара двинулась вслед за вещами.

– Нинель, – окликнула Мира, – Вик еще там?

– Ждет. Ему запрещено разговаривать.

– А вы чего здесь? – Вадик решил встрять в разговор с другой стороны.

– Идем, мое наказание, оставь людей в покое. – Нинель утащила партнера под руку, и они заняли последнюю свободную комнату в этом ответвлении.

Больше никто в другом конце не появится, места закончились. Не все одноклассники прошли мимо – это значило, что Вика поселят в другом коридоре. Простейший способ выяснить что-то – позвонить ему и узнать, что случилось. Наручная связь для школьников под запретом, из-за того что сильно отвлекает от учебы, но оставались мониторы. Для этого нужно войти в дом.

В общий дом Сергея и Миры на ближайшие три месяца. Обратного пути нет, и Мира это знает.

Нет, не совсем так. Есть такой путь. Если не дорожишь репутацией и не думаешь о будущем, можно вызвать комиссара по здоровью и попросить отдельную комнату. Партнерство будет считаться недействительным по вине заявителя. Второму придется искать нового партнера, а если все заняты или под запретом, то ждать окончания срока в одиночестве. Это его наказание, как человеку, который не сумел отстоять отношения. Для заявителя дела обстоят хуже. Кроме перечисленного, на него возлагается штраф – четверть накоплений и отчисление половины дохода в течение стандартного года или, для школьников, у которых кроме стипендии и облагаемых налогами карманных денег от родителей нет ни талера, лишение стипендии на тот же срок. А это несколько партнерств.

Если для кого-то деньги не проблема, то с репутацией потом жить. До конца времен напротив имени, пережив носителя, будет пульсировать пометка: «Не выдержал срок партнерства».

Глаза Миры ни на чем не могли сосредоточиться, на бледных щеках проступили пятна. Наконец, взгляд остановился на Сергее.

Он проговорил:

– Когда сможет, Вик позвонит сам. Или подождем, пока он заселится, и найдем его в сети. Обычно звонить в первый день не принято, но ситуация необычная, и, как друзья, мы можем поинтересоваться, что произошло на распределении.

Нащупанная Сергеем ладонь Миры отозвалась благодарным пожатием. Он покосился на ожидавшую дверь.

– Пойдем?

– Пойдем. – Голос был глухим.

С трудом сделанные несколько шагов ввели внутрь, двери с облегчением затянулись: дом обрел хозяев. Комната вспыхнула приветственной яркостью, но датчики среагировали на настроение, и сияние убавилось.

Обстановка однокомнатного стандарта ничем не отличалась от сотен таких же: визуально выделенный уголок прихожей, дверь санузла, рабочая зона с двумя креслами и длинным столом, стена-монитор, маленькая кухня-столовая и огромная двуспальная кровать.

Глава 6. Первое партнерство

На учебу их разбудил шепот ветра, его сменило чирикание птичек, в конце накатил шум волн, шуршавших о гальку. Звонок «Экзотика». Предусмотрен по умолчанию. Настроить можно что угодно, от выстрела линкора Первого флота (с соответствующим содроганием комнаты и плазменной вспышкой) до нежного придыхания в ушко. Вчера было не до будильника. Непонятно, спала ли Мира в эту ночь. Как и Сергей, она долго ворочалась, а его отключило к утру, перед самой побудкой. Организм не выдержал.

Сейчас оба продирали сонные глаза, делали прописанный медициной глубокий вздох и потягивались. Освещение назойливо требовало поторапливаться. Мира приглушила его. Одежда откинулось одновременно справа и слева, и каждый опустил ноги на свою сторону кровати. Одевались молча, не оборачиваясь. На выбранных домом обоях цвели и сказочно пахли джунгли, голубое солнце – яркое, не похожее ни на что знакомое – обжигало ультрафиолетом, из чащи периодически выглядывали странные животные, а в районе входной двери с ревом обрушивался в скальные пещеры невероятный водопад. Нос заполнился запахами леса, имитация брызг нежно касалась щек. Мира даже поежилась от прилетевшей измороси.

Ничто из этого не трогало чувств. Бывшая в лицо свежесть, от которой в комнате сияла настоящая радуга, удовольствия не приносила. Сергей сменил обои на мрак поверхности Калимагана, Мира благодарно кивнула – такой фон больше соответствовал настроению.

Завтрак тоже прошел в молчании. Прожевав незамысловатый набор из репликатора, Сергей и Мира отправились в класс.

Выходившие из соседних дверей одноклассники преобразились. У одних сверкали глаза, другие их конфузливо прятали.

– Кажется, я нашел смысл жизни, – с плутовским прищуром сообщил важно вышагивавший Вадик.

Он обнимал красневшую Нинель, она висла на нем, от ее вчерашних сомнений не осталось следа. Сзади нагоняли другие пары, столь же веселые и эмоциональные. Учитель вчера сказал: обиженные стараются обидеть, счастливые – осчастливить. Именно. Ненавистное сияние лиц Сергей старался игнорировать, чтобы не ляпнуть что-нибудь неэтичное. Рядом хмуро шурилась Мира. До них никому не было дела – сегодня каждый жил собственными ощущениями.

Вчера Вик не позвонил. Они тоже. Сергей понимал партнершу: если бы Вику было, что сказать, он объявился бы даже среди ночи, а первой напрашиваться на возможные неприятности... Мира долго смотрела на мертвый дисплей, но так и не включила его.

«Будь чист, как вода» – первый принцип, главный, но человек несовершенен, измены существовали даже в партнерствах, как бы с ними не боролись слезкой и воспитанием. Вмешаться в психику на уровне эмбриона – превратить в робота. Неэтично и противозаконно, то есть невозможно. Поэтому в качестве средства противодействия комиссия по здоровью ввела кабальные условия: штраф в четверть личного имущества на благо общества, чьи принципы гражданин соизволил не соблюдать. И еще столько же на счет обманутого партнера. Плюс к этому – отчисление четверти дохода в течение пяти стандартных лет в такой же пропорции: обществу и бывшему партнеру.

Кроме материальной стороны, измена (как и жизнь в одиночестве, когда одиночества можно избежать) каралась записью в личное дело, о чем будет осведомлен каждый следующий партнер в течение жизни. Пометка «Измена» около имени в базе данных не влияет ни на что, кроме репутации. С плохой репутацией невозможно занять посты в правительстве, общественных учреждениях и подавляющем количестве организаций с большим штатом сотрудников. Зато в некоторых профессиях предпочитают именно отступников – если в работе возможны

ситуации, в которых требуются нетрадиционные решения. Идти вразрез с логикой – свойство единиц, хотя подобные мыслишки закрадываются многим.

Мыслишки мыслишками, но чтобы губить из-за них карьеру и портить жизнь, которая только начинается?..

Утро вечера мудренее, говорили мудрые предки. Вчера Сергей с Мирой решили подождать до утра. Точнее, так решила Мира – стоя перед выключенным монитором с упершимся в никуда немигающим взглядом.

В постели она сразу отвернулась. Сергей коснулся ее плеча. Плечо дрожало.

– Не надо, – тихо донеслось из-под натянутого по макушку одеяла.

– Хорошо.

Так прошла ночь.

В класс Вик пришел один. Сегодня ученики рассаживались в ином порядке – сложившимися парами. Несмотря на то, что можно было по-прежнему оказаться по другую сторону от Миры, Вик опустил на сиденье через две пары от нее. Скрытый чужими профилями, теперь он сидел сбоку, смотрел только прямо, с Мирой и Сергеем взглядом категорически не встречался, хотя с новыми соседями разговор активно поддерживал.

Интерактивный, чрезвычайно познавательный, в другое время ставший бы событием в жизни урок прошел нервно. На перемене Мира первой вскочила с места и через миг уже нависала сзади над Виком:

– Что случилось?

– Не важно.

Он усиленно делал вид, что за спиной – пустое место. И разговаривал соответственно – как с пустым местом.

Сергей вслушивался. Тяжелая голова навевала тяжелые мысли. Можно ли считать совместное проживание партнерством, если не происходит главного? Что делать в таком случае?

От любого взрослого последует совет: пожаловаться в комиссию.

Исключено. Без объяснений. Нет, просто потому, что нет.

Какие еще варианты? Есть очевидный: делать вид, что все нормально. Время лечит. Партнерство для того и существует, чтобы люди научились управлять эмоциями.

Это вариант лучший с точки зрения разума, но не души.

Сергей видел еще один вариант, для других невозможный. Прервать партнерство.

Если это сделает он, Мира будет счастлива. Это очень мужской поступок. Взять на себя инициативу и сопутствующее наказание ради ее счастья...

Соединят ли Миру с Виком в этом случае?

Уже не важно. Он сделает это. Второй уровень образования подразумевает взрослые решения, потому и называется первым порогом ответственности. Следующий за ним – семья и дети, но до этого еще расти и расти. Вик ради любви рисковал жизнью. Сергей рискнет будущим. Сейчас Миру больше влечет к сопернику, но так может быть не всегда. Когда все изменится, жертва Сергея оправдается.

«А если не изменится?» – кольнуло под сердцем.

Тогда не оправдается.

Не оправдается ли? Своим поступком если не Мире, то себе Сергей докажет, что чего-то стоит.

Жаль, что от этого выиграет Вик. Но не только, Мира тоже. Значит, и Сергей. Получается, что выбирать не из чего, другие варианты не для него. Осталось подождать, пока Мира вернется, и сказать свое слово. Вслух. Чтобы никто не усомнился, чье это решение.

– Из-за рекомендаций комиссии? – продолжала допытываться Мира. – По какому поводу? Они не объясняют, но могли намекнуть. Если требуется какое-то лечение, то должны сказать...

Было видно, что Вик не хочет с ней разговаривать.

– Какая разница? – процедил он. – У тебя есть партнер.

– Я хочу узнать.

– А я хочу, чтобы ты ушла к тому, с кем провела ночь и обязана провести восемьдесят девять следующих. Твое место там.

– Мое место там, куда ведет сердце!..

С ее губ едва не сорвалось что-то опасное. Сергей вздрогнул. Одноклассники уже оглядывались и тоже вслушивались.

Вик вовремя перебил:

– Не вздумай нарушать правила, внешне это выглядит круто, а внутри – очень больно. Правила нужно не нарушать, а менять. Разговор окончен, иди, тебя ждут.

Он встал и двинулся в другую сторону. Ни Миры, ни ее партнера для него больше не существовало.

Сергей застыл. Если Вик отказался от Миры, то жертва не нужна, она станет напрасной и никому ничего не даст.

С души словно стальную плиту сняли.

Уроки с присутствием пролетели как в тумане. На одной из перемен Амелия томно потерлась плечиком о Сергея:

– Как тебе жизнь в партнерстве?

– Нормально.

– Не жалеешь о доставшейся кандидатуре? – Узкий подбородок дернулся в сторону Миры. – Кажется, твоя партнерша до сих пор мечтает о другом варианте. Если тебе будет приятно узнать, то не она одна.

Добавить Амелия ничего не успела, к ним подошел Ганс:

– Поздравляю.

– Спасибо. Взаимно. – Сергей нашел взглядом вторую белую шевелюру. Герда с кем-то разговаривала, отсюда был виден только затылок. – Как дела у сестры?

– Говорит, что могло быть хуже. По-моему, шутит.

– Ты нам еще ночь сестры в подробностях распиши, – фыркнула Амелия. – Не сомневаюсь, что у близнецов принято делиться всем, но Сергея своя партнерша имеется, пусть он о ней думает.

Она потащила Ганса за собой, и он, обернувшись, лишь развел руками. Впрочем, чувствовалось, что он счастлив.

Последние занятия проходили в онлайн-формате, для этого ученики разошлись по домам.

В комнате висело тягостное молчание. Обои пытались пожурчать приятным ручейком и разогнать грусть невероятным рассветом на Альфа-Ристе, но два одновременных приказа заткнули их.

Сергей и Мира сидели рядом за длинным столом, а между ними словно стояла стена. Невидимая, она была крепче стальной, и ничего не стоило разбить об нее голову. Но разбивалась почему-то душа.

В промежутке между уроками Мира тихо вымолвила:

– Ты меня простишь?

– Не за что прощать. Вспомни четвертый принцип.

– «Преграды, встающие на пути, усиливают тебя». – Мира смогла улыбнуться. – Спасибо за поддержку. Я ценю.

«Спасибо за поддержку»? Вообще-то, Сергей говорил о себе. Если Мира применила сказанное в отношении...

Так тоже есть смысл. Сергей вздохнул. Он хотел сказать о другом.

Ладонь Миры прошла сквозь невидимую другим, но предельно реальную стену и поймала его пальцы. Словно капкан захлопнулся. Капкан, о котором мечталось столько времени. Но нет, сейчас это всего лишь видимость того капкана из грез, жалкая фикция и обидная до слез пародия. Но даже такой, он нес в себе счастье.

– Мне хорошо с тобой, – сказала Мира. – Прошу, не делай, чтобы стало плохо. Понимаешь, о чем я?

Дисплей ожил, и капкан распался.

После занятий и ужина они снова отправились в постель. Одежду утянули стенные шкафчики, свет погас, общее одеяло накрыло по шею.

Сергей лежал на своей половине кровати, боясь шелохнуться. В мозгу горело: «Мне хорошо с тобой» и «Не делай, чтобы стало плохо». Первое грело, второе испепеляло. Не так он представлял себе счастье. Сбылось то, о чем мечталось: быть вместе. Ставим плюсики: исполнено. Ничего больше не загадывалось. Оказывается, с желаниями нужно быть осторожнее и намного конкретнее.

Видно, что Мира боится. Но. Она боится за себя и неоправданные надежды – или что Сергей полезет к ней без ее согласия? Или боится, что он сообщит о ситуации в комиссию по здоровью?

Ему не спалось. Долго не спалось. Мира тоже не спала. Ее пальцы уже привычно нащупали его руку и сжали.

– Тебе плохо?

Он не успел задуматься, горло честно выпихнуло:

– Да.

Повисла пауза, в которой тонкие пальчики нервно стучали по его ладони.

– Прости, – донеслось выплеснутое в никуда: Мира смотрела вдаль, в другие миры, где все не так, как в этом. – Мне трудно говорить, но поговорить нужно, иначе случится что-то непоправимое. – Мира перетянула его ладонь на себя. – Ты хочешь этого. Вот этого. Я понимаю. И ты имеешь на это полное право, нас соединил закон. Но это, – накрывшая сверху ладонь вжала руку Сергея в горячую кожу, – не только тело, но и душа, а душа принадлежит другому. У меня к тебе просьба. Обещай подумать, прежде чем ответить. Ответить будет одновременно просто и непросто, и что сказал бы любой другой на твоём месте, я представляю. И я очень рада, что на этом месте ты, а не другой.

– Спасибо.

Руку жгло, мысли распадалась на атомы, как пластик под лучом лазера, а на нервах, точно на струнах, играл свихнувшийся музыкант. Как бы самому не свихнуться.

– Если ты хочешь тело, то я смирюсь. Ты получишь его, – неся глухой голос в темноту. – Если же тебе нужна я полностью, то однажды ты можешь получить то и другое в комплекте. Но можешь и не получить, не могу обещать, а врать не хочу. Мы с тобой не должны врать друг другу, нас слишком многое связывает. Поэтому я говорю: шанс есть. И прошу: не трогай тело, чтобы оно не потеряло душу. Возможно, когда-нибудь я отблагодарю. Но не сейчас. Не в этом партнерстве. Хорошо?

Вот и сказано главное: не видеть ему сладостей партнерства, как затылка без зеркала. Все разложено по полочкам, подогнана база, поле для маневра огорожено флажками: за буйки, дорогуша, не заплывать, а то хуже будет.

Обидно, но действительно будет хуже. А надо, чтобы лучше. Между «хуже» и «лучше» лежит время. Вернее, так: «лучше» равно «хуже» плюс «время». Правдой будет и обратное: «хуже» равно «лучше» минус «время». Чтобы решить уравнение и сделать лучше, нужно узнать количество времени, которое на это понадобится. А его не узнать, нет такой формулы, еще не придумана. И самое паршивое, если ответом будет ноль.

– Нас учили всегда оставаться собой, – сказал Сергей, хотя больше хотелось выть, чем говорить. – Давай следовать этому правилу. Если ты будешь делать что-то, чего не хочешь, это будешь не ты. А я хочу тебя. Согласен на твои условия. Если наступит момент, ты скажешь об этом. Я буду ждать столько, сколько понадобится.

Вместо «спасибо» Мира приникла к Сергею, и договор скрепился поцелуем в губы.

Поцелуй затянулся. Он оказался сладок и тягуч, он выжигал внутренности и заставлял потеть копчик.

Мира смущенно отпрянула.

– Прости. Я от избытка чувств. Мне снова очень хорошо с тобой.

– Я не против. – Он облизал губы. – Если что – обращайся в любое время дня и ночи.

Ради такого можно поговорить еще о чем-нибудь серьезном вплоть до смертельного. Придумать бы, о чем, чтобы кончилось так же. Сергей отвернулся и долго вспоминал вкус, который стоил жизни. В этом поцелуе присутствовала душа. Если Сергей сдержит слово, а Мира сдержит свое, однажды души сольются не губами, а выросшими крыльями, и вместе взлетят в небо.

На следующий день игнорируемая Виком Мира на переменах провела опрос тех, кого распределяли в числе последних. Она хотела услышать формулировку, с которой Вика лишили партнерства. И невзрачная Лилия, при голосовании оставшаяся предпоследней и получившая партнера из параллельного класса, сообщила, что слышала.

Мира принесла новость домой.

– Узнала? – не выдержал Сергей.

– Да. – Мира не смогла смотреть ему в глаза. Ее руки дрожали. – Вик отстранен от партнерства на первый триместр в качестве наказания за нарушение условий: он вписал одно имя во все три строчки.

Глава 7. Мира

Что-то произошедшее во сне заставило Миру вскрикнуть. Она дернулась, и лежавшего рядом Сергея выбросило из полудремы, где он жаловался будущему счастливому себе на пропащее настоящее. Губы, готовые выплеснуть слова заботы, сжались, перекусив зов пополам:

– Ми...

«Ра» провалилось обратно. Вызванное шепотом местное освещение сменило тьму над кроватью на мягкий полумрак, и рука, потянувшаяся успокоить, отдернулась: партнерша беспокойно раскинулась, одеяло съехало на пояс, по глазам ударило ворованным счастьем. Гладкая кожа отливала матовым сиянием, веки мелко подрагивали – Мира оставалась в том же сне, где происходило что-то активное, но уже не страшное.

Когда взнуданное дыхание успокоилось, Сергей подтянул одеяло до приличного уровня и до минимума приглушил освещение. Очередная ночь. Одна из. Как из репликатора с одного чертежа.

Если бы не Вик...

По ночам, удостоверившись, что партнерша уснула, Сергей предавался мечтам и периодически позволял себе любоваться чудом, доставшимся по недоразумению. Не существовало блаженства больше, чем смотреть на Миру, спавшую к Сергею спиной, по-детски поджимавшую ноги, или, например, раскинувшуюся, как сегодня. Эх, если б не было никакого Вика...

Кроме дисциплинарных, других проблем у Вика не оказалось. Подростковое бунтарство как-то проявлялось у каждого, но старалось не прорываться наружу. Все понимали, в каком мире живут. А Вик желал подмять мир под себя. Пока же, как видел Сергей, он подмывал только Миру. Она присутствовала в доме, ходила, держась с Сергеем за руку, они спали в одной кровати...

А душа ее была с Виком, который с первого дня партнерства с ней больше не разговаривал.

Сергей с грустью глядел на партнершу. Умница, красавица... Дураков и некрасивых в мире давно не существовало, на генном уровне производилась предварительная коррекция, а дальше все зависело от человека: будет ли следить за собой? Захочет остаться фабричной конфеткой или из кожи вон полезет, чтобы подать себя как изысканное неповторимое блюдо? Главное – не добавлять, а улучшать. Прекрасной во всех отношениях Мире улучшать нечего: ямочки на щеках не давали оторвать взгляд и поднимали настроение, глаза манили, женственные движения волновали, а некоторые позы взрывали мозг и мучили, заставляя мечтать о невозможном.

Развитием тела и души Мира, конечно же, занималась, но не усердствовала сверх меры. К удовольствию Сергея, она следовала правилу «Всегда оставайся собой. Как вода». Хорошее правило. Если бы Мира круто поменяла себя даже в некую лучшую сторону, она бы перестала быть собой. А он любил именно такую.

Дни утекали, как вода из принципов – в широтах жилого пояса Калимагадана этический свод выглядел, прямо скажем, глуповато. «Действуй сам, и заставишь действовать других. Как вода». «Преграды, что встают на пути, усиливают тебя. Как воду». Смешно. При колебании от сорока до семидесяти ниже нуля увидеть воду жидкой в природных условиях – это надо постараться. Детям, чтобы они поняли смысл сказанного, приходилось показывать видео. Не демонстрировать же этический свод на примере унитаза или душа. В водных принципах речь идет о высоком, показывать их на примере сантехники – значит, глумиться над ними. В подледных поселках кое-где встречались холодные озера со стоячей водой, которая не портилась и не замерзала, на севере из-под льда били горячие источники, а где-то далеко на юге, на глубине многих километров, существовало недоступное соленое море, но все это, скорее, нарушало

принципы, чем подтверждало: превратиться в болото и загнить вода ледников не смогла бы и за миллион лет. «Остановка ведет к забвению, как воду»? Ну-ну. Авторов милости просим в гости.

Учеба поглощала почти все свободное время, а небольшое оставшееся Сергей и Мира направляли на самосовершенствование. Живя вместе, они продолжали стесняться друг друга, по дому ходили одетыми, в постель ложились не оборачиваясь друг к другу и только при выключенном освещении.

Иногда рука Миры находила руку Сергея и благодарно сжимала. Этими моментами он жил.

Дни летели, триместр заканчивался. Среди одноклассников вновь появилось напряжение, у прежде невинных фраз – многозначительность, в переглядывании ощущались намеки и нервозность.

Ко второму партнерству готовились более осмысленно, отныне руководствуясь не только желаниями, но и опытом. Совместное проживание – нечто вроде длительного полета. Сейчас даже представить трудно, что творилось на отправившихся покорять звезды кораблях первой волны. С ковчегами проще, там населения хватало, и те, кто не лежал в анабиозе, устав от кого-то, компанию и обстановку могли сменить. Ныне к звездам новые шлюзы тащили через пространство только автоматические буксиры – ни один современный человек такого путешествия не выдержит, ни одиночка, ни в партнерстве, ни семейный.

Первое распределение, так странно закончившееся для Сергея и Миры, проходило в торжественной обстановке, с речью учителя и поздравлением, а процедура второго отличалась от церемониально-возвышенного первого, она оказалась более романтической: те, кто определился, брали друг друга за руки и говорили в монитор одновременное «Да». Оставшимся, как и в первый раз, помогал компьютер: они вписывали имена, далее – по старой схеме. С каждым новым партнерством компьютер становился все более ненужным, люди учились находить друг друга самостоятельно. Если какой-то человек не нравился неопределившимся и в качестве кандидатуры его рассматривать не хотелось, таких заносили черный список. Комиссия по здоровью имела право вето в отношении черного списка, но еще не бывало случая, чтобы рекомендация нарушила чьи-то планы. Ко второму партнерству каждый твердо знал, чего хочет, и, главное, начинал понимать, чего не хочет.

День распределения приближался. Вик по-прежнему не желал общаться с парой, чье «счастье» резало его по живому.

Утро нового выбора напомнило о себе новым звонком: будильник исполнил бравурный марш, тот плавно перешел в умиротворяющую мелодию. На стенах опять забрезжил рассвет. Намек? Дескать, заря новых отношений, оставьте прошлое в прошлом, настало время перемен.

Утро всегда начиналось одинаково: Сергей и Мира свешивали ноги каждый на свою сторону и одевались спиной друг к другу. Сегодня рядом с Сергеем произошло неожиданное движение, странное и непривычное, оно заставило оглянуться – непроизвольно, впервые за много-много дней, когда он заставлял себя сдерживаться. Не смотреть было невыносимо, а смотреть не позволяла совесть, пусть даже Мира не узнала бы, что один из них подглядывает. Она же не поглядывала.

В последнем он не мог быть уверен, поскольку не видел. Но у нее не было мотива оборачиваться. А у него был. К общему сожалению.

– Спасибо тебе. – Мира вновь забралась в постель с ногами. – Прости за все. Когда придет время, я опять выберу тебя. Даже если твое отношение ко мне изменится. Обещаю. Мне было хорошо с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.